

ВЛАДИМИР
ТОРИН

ПТИЦЫ

фэнтези

МИОО

Владимир Витальевич Торин

Птицы

Серия «МИФ Проза»

Серия «Таинственные
истории из Габена»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70614634

Птицы / Владимир Торин: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2025

ISBN 9785002142194

Аннотация

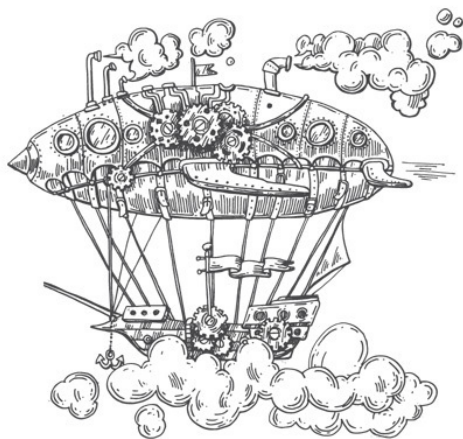
Это случилось перед одной из снежных бурь в городе, где всегда идет снег. Мальчик по имени Финч вернулся домой и обнаружил, что его дедушка таинственным образом исчез... Пытаясь разгадать эту загадку, Финч делает жуткое открытие: оказывается, в городе бок о бок с людьми живут странные существа, о которых никто не знает. Существа, которые прикидываются птицами, которые прикидываются людьми...

Содержание

Глава 1. Финч	7
Глава 2. Рыбий хвост, фотокарточка и гадкий обман	59
Глава 3. Бульвар Разбитое Сердце	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Владимир Торин

Птицы

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Владимир Торин, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

Глава 1. Финч

Снег. Он идет, как незнакомец. Казалось бы, совсем рядом – руку протянуть, и коснешься, и все же он так далеко – за окном. Снег будто манит... манит пальцем: выйди, забирайся ко мне под пальто, пойдём со мной.

Мальчику одиннадцати лет по имени Финч нестерпимо хотелось выйти прямо через покрытое изморозью круглое окно на третьем этаже школы и исчезнуть, уйти со снегом. Но он не мог. Он был наказан. А наказали его за то же, что он делал и сейчас: думал о своем и не слушал того, кто не любит, когда его не слушают.

На партах тускло горели газовые лампы, но все равно в классе было темно.

Финч сидел в последнем ряду, почти под самым потолком, – места учеников поднимались ступенями, в то время как учительский стол тонул во мраке в глубине помещения. Там, внизу, едва заметно шевелилось нечто, кажущееся бесформенным, грубым и древним.

В классе было жутко... жутко сонно.

На учительском столе тикали часы, порой кто-то приглушенно кашлял, скрипели перья чернильных ручек. Что-то хриплым голосом бормотало существо, грузно расхаживающее у доски, ну а Финч все глядел в окно.

Снег окутал собой улицу, дома и крыши – в этом горо-

де он шел всегда. Внизу, у здания школы, проходила аллея с двумя рядами скрюченных деревьев, побелевших и простуженных. Фонари на чугунных столбах еще не зажгли, и до того, как они задорно загорятся по одному, оставалось совсем немного. Ни прохожих, ни экипажей на мостовой видно не было. Город словно вымер. Будто заснул, убаюканный тишиной и покоем зимнего дня.

Финч глядел на эту меланхоличную картину в белых тонах, и глаза его слипались. Он уже и сам почти заснул, когда за окном вдруг что-то начало происходить.

На аллее появился человек с черным зонтиком. В смоляном пальто и цилиндре он походил на размытое чернильное пятно – крайне неуместное и мрачное пятно среди заснеженных деревьев. Незнакомец озирался по сторонам, словно не понимал, где находится.

Финч мог бы поклясться, что всего мгновение назад на аллее никого не было – он даже поймал себя на нелепой мысли: «А что, если этот человек просто вдруг выбрался из падающего снега?»

Незнакомец между тем прекратил оглядываться и присел на скамейку. Но в тот же миг, как он ее коснулся... исчез, рассыпавшись снегом, а на том месте, где он только что находился, появилось несколько нахохлившихся черных ворон.

Финч вздрогнул. Сонливость как рукой сняло.

Он пригляделся: никаких следов джентльмена в цилиндре – только птицы на скамейке бродят туда-сюда и раскры-

вают клювы, что-то крича.

Мальчик перевел взгляд на одноклассников: может, кто-то из них видел то же, что и он? Но кругом были сплошь грустные безразличные затылки. И как в такое время можно что-то писать?! Как можно не замечать, что происходит что-то странное?!

Тем не менее никто ничего не замечал – всех заботили только собственные скучные тетради и унылые закорючки, которые там появлялись.

Финч снова поглядел в окно, но даже ворон больше не было. Лишь, как и мгновение назад, падал этот бесконечный снег...

– Вы все поняли, мистер Финч? – раздался надтреснутый голос от доски.

– Я ничего не понял, – пробормотал Финч. – Куда он исчез?

– Что вы сказали?

Финч встрепенулся:

– Ничего, мадам. Я вас внимательно слушаю...

– Тогда, надеюсь, вы готовы вместе со всеми перейти к заключительному параграфу...

Ветер выл в дымоходах, эхо от него долетало в класс и сливалось с монотонным бормотанием карги в огромных круглых очках с выпуклыми стеклами. Карга стояла, сгорбившись у черной грифельной доски, и указывала на что-то указкой. Ее сухие потрескавшиеся губы медленно шевели-

лись, а сморщенное застывшее лицо белело в потемках, и издалека казалось, что оно висит в воздухе отдельно от тела.

Карга провела указкой по доске, очевидно, намереваясь процарапать в ней прореху и надеясь, что из раны потечет кровь. Она сморщила клювообразный нос, пригнувшись.

Порой Финч думал, что в этом дряхлом существе жутковатую каргу видит только он. На остальных же наказанных миссис Оул, престарелая учительница по Станным числам, нагоняла лишь нафталиновую тоску.

– Ойт – это десятичная мера снега, – говорила миссис Оул, – которую забирает один ковш для переработки в подземных фабриках-гремпинах. В одном ойте – десять нилей. В одном ниле – десять клаптингов. Вы записываете, мистер Финч?

– Да-да, мадам.

Финч торопливо макнул ручку в чернильницу и кривобоко вывел: «*10 клаптингов*». При этом на странице образовалась жирная уродливая клякса.

– Вы ведь знаете, что вы безнадежны, мистер Финч? – спросила миссис Оул – учительница словно увидела со своего места медленно и неотвратимо впитывающееся в записи пятно.

Финч молчал. Он это знал, однако поделаться со своей рассеянностью ничего не мог. Дедушка говорил, что рассеянность – признак необычного ума и живой фантазии. А учителя говорили, что Финч просто отсталый. Так как Финч до сих

пор не замечал у себя признаков необычного ума и не представлял, какое он имеет отношение к живой фантазии, то был склонен согласиться с мнением учителей.

«Не зря меня вечно наказывают, — думал он. — Кажется, я и правда отсталый...»

За что же наказали Финча в этот раз?

Что ж, если бы время можно было отмотать к моменту, когда все произошло, то стоило бы вернуться в класс «Странные числа» миссис Оул примерно на час назад.

Финч, щуплый мальчишка с взлохмаченными синими волосами, сидел там же, у окна. Он и не думал записывать то, что рассказывала миссис Оул, — вместо этого, подпирая голову рукой, глядел на самый ненавистный для него в этом классе затылок.

— Мерзкая-премерзкая, гадкая-прегадная, сопливая-пре-сопливая... — шептал он себе под нос, с презрением и досадой наблюдая поверх голов одноклассников за девочкой, сидящей через две парты от него.

Финчу эта девочка не нравилась до такой степени, до какой только одна вредная самовлюбленная зазнайка может не нравиться мальчишке, который считается самым большим чудаком в классе. То есть она ему *крайне* не нравилась.

К таким, как она, любимчикам учителя обычно относятся как к своего рода маленьким заместителям. «Карликовые заместители», — называл их про себя Финч. Такие важные пер-

соны всегда мнят о себе невесть что: как будто им сам господин директор школы предписал вместе с формой носить задранный нос и поджатые губки. А эта мисс Джей в особенности! Всюду лезет со своими знаниями и, как назло, неизменно отвечает на все вопросы учителей «Н. О.», то есть «На Отлично», да еще с таким видом, будто вызубрила всю энциклопедию Болестуса Брауна наизусть. И при этом еще считает себя самой большой красавицей в школе, несмотря на веснушки, курносый нос и два рыжих хвостика, глядя на которые вечно боишься обжечься.

А ее имя! А-ра-бел-ла! Фу-ты ну-ты... Вон Финч – просто Финч, и ничего, не пропадает. А тут, видите ли, «мисс Арабелла Джей, первая леди класса». Смешно просто. Сидит, сложив перед собой на парте ручки, с ровной, как в «Большом сборнике школьных правил», спиной, будто ее отходили по ней кочергой, и едва не дрожит вся – готовится ответить на еще не заданный учительницей вопрос. Вот было бы забавно...

– Мистер Финч, позвольте спросить, чем это вы занимаетесь?

В мальчика вонзился взгляд двух совиных глаз, округленных стеклами очков в роговой оправе. Будь у взгляда когти, Финчу в этот миг стало бы невыносимо больно.

Три десятка шей, полупридушенных узкими белыми воротничками и черными галстуками, повернулись к нему так синхронно и резко, словно каждый из учеников в одночасье

получил крепкую пощечину.

Весь класс замер и уставился на Финча. Кто-то позволил себе чуть заметную усмешку: его определенно ждали неприятности – какие именно и за что, одноклассники пока не знали, но уже были в предвкушении. Хуже всего, что и мисс Джей глядела на него, следила за появившимся в его глазах страхом, как злорадный зритель в цирке глядит на спотыкающегося канатоходца.

– Мне повторить свой вопрос, мистер Финч? – пролязгала металлическим голосом миссис Оул. – Чем вы занимаетесь, когда должны слушать то, что я рассказываю?!

Учительница сидела за своим громоздким дубовым столом на стуле с высокой резной спинкой. Позади чернела доска, на которой, словно приговор неучам, были выведены формулы и даже целые предложения из Странных чисел; на столе выстроились колонны учебников, словарей и энциклопедий числительных законов. Всем своим видом миссис Оул сейчас напоминала судью, только без парика – хотя в последнем Финч не был уверен.

«Чем я занимаюсь, когда должен слушать ее?!»

Неужели эта миссис Оул, раз она учитель и вся из себя такая умная, не может догадаться сама, что он сидит и молча ненавидит Арабеллу Джей? Это же очевидно! Что миссис Оул ему сделает? Он ей не по зубам! И пусть весь класс знает, что он ее не боится, как все эти трусы и любимчики! Он ей все сейчас выскажет! Все, что думает! Об этом будут го-

ворить месяц!

– Ничем, мадам, – едва слышно прошепелявил Финч, опустив взгляд на парту и нещадно краснея.

Большим болваном Финч сегодня себя еще не чувствовал. К тому же и мисс Джей, он был уверен, глядела сейчас на него со своим коронным презрением и, должно быть, даже показывала ему язык, пока миссис Оул не видит.

– Вы выполнили ваше домашнее задание на «Е. У.»! – продолжала возмущаться миссис Оул – на ее учительском ритуальном языке «Е. У.» означало «Едва Удовлетворительно». – И теперь еще позволяете себе меня не слушать и спать на уроке?! Вы заслужили наказание, мистер Финч. Сегодня останетесь после занятий. И только попробуйте сейчас поморщиться или вздохнуть – будет хуже. Еще хуже, чем в прошлый раз. Вам все ясно?

– Д-да...

– Не слышу вас, мистер Финч!

– Да, мадам.

...Вот так Финч и оказался на дополнительном часу «Странных чисел», на котором он и увидел в окне появившегося из ниоткуда и таким же непонятным образом исчезнувшего человека с зонтиком. Кто это был? Что он делал там, на аллее? Искал кого-то? От кого-то бежал? Или просто прогуливался? А может... может, его и вовсе не было?

Финч вздохнул. Кажется, ему все просто привиделось –

почти-почти приснилось: когда ты едва не засыпаешь в темном классе под монотонное бормотание о числах, и не такое увидишь. Ну еще бы! Так ведь не бывает, чтобы человек вышел из снега и превратился в птиц.

Откуда Финчу в тот момент было знать, что сегодняшний день еще готовился преподнести ему кое-что необычное, немного удивительного и совсем чуть-чуть необъяснимого...

Часы на учительском столе издали характерное «дзынь», предупреждающее о том, что урок закончится через минуту. Финч вздрогнул и принялся поспешно переписывать в тетрадь формулы с доски: было важно успеть законспектировать как можно больше, иначе дедушка не сможет ему дома все разъяснить и помочь с домашним заданием. Мальчик и думать забыл о странном происшествии за окном, которому стал свидетелем.

Когда ударил колокол, а эхо от него расползлось по школьным коридорам и узким лестницам, Финч все еще лихорадочно переписывал расчеты угла падения снега в зависимости от силы и направления ветра и еще что-то столь же сложное и неинтересное. Он пропускал числа и целые строки, надеясь, что они не ключевые, сокращал, как мог, но, к сожалению, стенографирование не было его сильной стороной.

Когда Финч наконец занес в тетрадь последнее Странное число, в классе уже никого не осталось, кроме него и застывшей за своим столом миссис Оул.

Финч поспешно закрыл тетрадь, закрутил чернильницу и заправил ручку с баночкой под специальные ремешки в портфеле; в одно из отделений отправилась и тетрадь.

– Вы забыли высушить записи промокательной бумагой, мистер Финч, – сказала миссис Оул своим неизменным укоряющим тоном. – Этого стоило ожидать.

Финч огорчился: его и так плохо разборчивые записи из-за размазанных чернил сейчас, вероятно, стали и вовсе нечитаемыми. Придется половину угадывать. Может, бабушка знает что-то из темы «Странные числа и снежные фабрики греппинов»?

Промакивать уже расплывшиеся чернила было поздно, и Финч, подхватив портфель, выбрался из-за парты и вприпрыжку потопал вниз по лестнке прохода между рядами.

– Вы ничего не забыли, мистер Финч?

Миссис Оул всегда будто только и ждала момента, когда он ошибется, чтобы поймать его на промахе и раздуть из этого целую историю или как минимум озвучить парочку оскорблений. А Финч, в свою очередь, был из тех, кто не упустит случая предоставить ей такую возможность.

Вот и сейчас он обернулся и с досадой отметил, что лампа, встроенная в его парту, до сих пор горит.

С тщательно скрытым тяжелым вздохом Финч вернулся на свое место и, нащупав под партой вентиль на трубе, крутанул его – огонек с легким хлопком погас.

Разобравшись с лампой, Финч осторожно двинулся по по-

темневшему проходу между рядами парт, во все глаза глядя под ноги: было бы ужасно сейчас споткнуться и кубарем покатиться прямо к столу учительницы.

Без происшествий спустившись и пробормотав: «До свидания, мадам», Финч направился к двери. Он уже почти покинул класс, когда миссис Оул его окликнула:

– Мистер Финч!

Финч замер и обернулся. Учительница глядела на него тяжелым, как колокол, взглядом.

«Ну вот, – с тоской подумал Финч. – Сейчас начнется...»

И началось:

– Вы только поглядите на себя.

– Целиком не получится, – храбро ответил мальчик. – Нужно большое зеркало.

Миссис Оул приподняла бровь и сцепила толстые когтистые пальцы.

– Если бы вы не были отсталым, – сказала учительница, – я бы наказала вас за дерзость. Но, видимо, вы действительно понимаете все лишь буквально, поэтому я разъясню! Вы должны выглядеть как ученик школы Фьорити!

– Но я и так выгляжу, мадам!

Это была правда: как и все мальчики в школе, Финч носил узкий темно-серый пиджачок, клетчатые черные бриджи, шерстяные гольфы, рубашку с удушливым воротником, черный галстук и ботинки на кнопках. Он не понимал упреков учительницы.

Тем не менее у нее их был заготовлен целый список:

– Вы должны быть причесаны! Всегда! С пробором налево, как принято для мальчиков школы Фьорити! Ваши манжеты и ваш воротничок все в коричневых пятнах от паротюга! На гольфе дыра! Башмаки не начищены! На ваших пальцах, губах и щеке чернила. Вы постоянно грызете ручку – это отвратительная привычка! Отстальные дети, к вашему сведению, тоже должны выглядеть как достойные ученики школы Фьорити, если они хотят оставаться учениками школы Фьорити! Ну, или в вашем случае, если этого хочет ваш дед, мистер Фергин. Вам все ясно?

– Да.

– И вы не должны отвечать взрослым «да» или «нет». Это невежливо. Вы должны отвечать как эхо: «Ясно, мадам».

– А если мне будет не ясно?

– Вы свободны, мистер Финч.

Под пристальным взглядом миссис Оул Финч понуро развернулся и толкнул дверь. Он чувствовал себя просто отвратительно. Финч ненавидел эту злобную старую женщину. Ему казалось, что она специально к нему придирается, будто мстит за что-то. Это было несправедливо! И нечестно! «Вы должны быть причесаны!» Еще с расческой возиться! И какой смысл причесываться, если все равно потом все лохматится?

Покинув класс, Финч быстро прошел по пустому коридору, спустился по главной школьной лестнице и, зайдя в гар-

дероб, протянул автомату-гардеробщику номерок. Старый механоид заскрипел и заскрежетал, словно раздумывая, отдавать ли мальчику его одежду, после чего все же смиловался и двинулся к вешалкам. Вскоре Финч уже натягивал пальто, шапку и перчатки. Обернув шею шарфом и попрощавшись с автоматом, он направился к выходу из школы. Спихватился. Вернулся в гардероб за забытым портфелем, а затем наконец покинул свое самое нелюбимое место на свете.

Предстояла дорога домой...

Финч брел по аллее в сторону трамвайной станции, согнувшись под тяжестью портфеля на спине.

Как всегда, шел снег. Сейчас он падал большими ленивыми хлопьями.

Было не так уж и холодно, но мальчика мучил озноб. Он прокрадывался по коже, как вор. Нет, как целая стая воров. Ноги в башмаках быстро замерзли. А еще эта проклятая дыра в гольфе! Поскорее бы добраться до станции...

Слева неожиданно раздался хрип.

Финч повернул голову и в первый миг решил, что глядит на странного и довольно уродливого снеговика. На скамейке

сидело толстое голое существо с белой кожей – складки этой его кожи свисали с круглого брюха на тонкие коленки. Лицо было не менее странным и пугающим: черные глаза, длинный нос-клюв, и лишь где-то в глубине под ним угадывалась прорезь рта.

Финч даже споткнулся и на мгновение потерял из виду жуткое существо. Поднял взгляд и...

Никого там больше не было. Лишь большой ком снега будто бы вырастал из скамейки.

– Как же так?! – со смесью удивления и разочарования прошептал мальчик. – Куда оно подевалось?

Подевалось? А было ли оно там вообще?

«Почему мне сегодня постоянно видится что-то непонятное?! Сперва человек, превратившийся в птиц. Теперь вот это!»

Финч яростно потер глаза. После чего бросил недоверчивый взгляд на скамейку – никого.

«Померещилось?»

Хотелось верить, что да. И все же как-то уж слишком часто ему стали «мерещиться» разные вещи. Ладно еще, если бы он не увидел никаких подробностей, но он успел рассмотреть пугающее существо как следует. Оно было таким реальным... Эта гладкая обвисшая кожа, этот тяжелый нависающий нос и непроглядная чернота круглых глазок! Такое нарочно не придумаешь! А уж он, с его отсутствующей фантазией, точно не смог бы.

Финч почувствовал, что озноб усилился, и поежился в своем пальто. Сняв перчатку, он приложил ладонь ко лбу. Тот был раскален, как радиатор теплофора.

– Кажется, я заболел, – пробормотал мальчик, и тут его осенило: «Я простыл, и у меня жар. Точно! Это все объясняет... Никаких чудачков с зонтиками и носатых толстяков. Это просто я чудак. Нужно поскорее вернуться домой. Дедушка приготовит горячий обед и заварит желудевый чай...»

Финч вспомнил, что дедушка обещал ему конфету из жестяной коробки на каминной полке, если он получит за домашнее задание хотя бы «Едва Удовлетворительно». Что ж, дело было сделано.

«Но ему нельзя говорить, что я заболел, – мысленно добавил Финч, – а то заставит пить рыбий жир и есть мерзкий лекарственный воск!»

Финч ускорил шаг. Нужно было попасть на трамвай как можно скорее. Пока ему не привиделось еще что-то жуткое и странное...

...Трамвайная станция представляла собой высокое здание из бурого кирпича с большими прямоугольными окнами, из которых на снег лились полосы теплого рыжего света. Над входной дверью располагалась вывеска: «Трамвайная станция “Докери”. Счастливого пути».

Как только Финч подошел к станции, автоматон в вишневой форме Трамвайного ведомства услужливо открыл двери

и пропустил его.

Финч потоптался на включившейся теплорешетке у порога, страхивая снег с ботинок, и шагнул внутрь.

Его тут же обдало горячим воздухом, и он буквально утонул в шуме разговоров, смехе и музыке из бронзовых рупоров, развешанных над дверями по обе стороны прохода. Здесь, в отличие от пустынной аллеи, былолюдно. Кругом горели лампы.

Внутри станция «Докери» представляла собой нечто, напоминающее небольшой крытый бульвар или, скорее, пассаж. Над головой возвышалась стеклянная крыша, через нее было видно хмурое небо – одна за другой на гладкой поверхности умирали снежинки: снег на крыше станции не задерживался из-за горячих труб, проходящих под карнизами, и каминов в самом здании.

По сторонам ведущего к платформе прохода размещались: книжная лавка, шляпное ателье, чемоданный магазинчик, цирюльня, мастерская по ремонту автоматов, отделение городской почты и кофейня «Вильнич», за столиками в которой всегда сидели важные джентльмены в деловых костюмах и дамы в красивых платьях с беличьими воротниками.

Финч побрел к платформе. Ему было запрещено куда-либо заходить, да и вообще бродить по станции. А если задуматься: что ему там было делать, в этих лавках? Денег у него никогда не бывало, а стоять и глазеть на витрины – толь-

ко душу травить, как говорил дедушка. Финч ощущал, что его душа и без того достаточно отравлена – ядом миссис Оул, подкравшейся простудой и прочими невзгодами. Поэтому он, как и всегда, просто шел на свой трамвай, не глядя по сторонам и при этом стараясь не натолкнуться на кого-нибудь из прохожих. Сожалел он лишь об окошке под вывеской «Кондитерская Трутти», из которого по всей станции расползлся чудесный запах свежеиспеченных сахарных крендельков...

Шедший мимо мужчина задел Финча, едва не сбив его с ног, и как ни в чем не бывало продолжил путь. Мальчик остановился и негодуя поглядел ему вслед, потирая уши.

Грубый мистер в черном пальто и шляпе-котелке спешно отдалялся. словно почувствовав, что на него глядят, он обернулся, одарив Финча кривой улыбкой и не менее кривым взглядом. В улыбке блеснул металлом зуб. Выражение лица незнакомца было зловредным и угрожающим, да и в целом он выглядел как личность, не заслуживающая не то что доверия, но даже приветствия – того и гляди рукав оттяпает.

Мужчина отвернулся и пошагал в сторону газетного киоска.

«Мерзкий тип», – подумал Финч и продолжил путь. Вскоре он оказался на платформе.

Здесь было холоднее, чем у лавок: ветер задувал и заносил снег в проемы, через которые трамваи попадали на станцию.

Рельсовые пути вылезали будто прямо из холодного зимнего дня и в него же уходили на другом краю платформы.

Трамвая еще не было. Финч бросил взгляд на станционные часы. Один циферблат показывал общее время (без двенадцати минут четыре), на другом значилось оставшееся время до прибытия трамвая (ровно двенадцать минут).

Оглядевшись по сторонам в поисках констебля или станционного смотрителя, мальчик выбрал свободное место на ближайшей скамейке и быстро на нее уселся. Детям запрещалось сидеть на скамейках на станции: те были предназначены для почтенных джентльменов и дам – в общем, всяких-разных взрослых, но только не для детей. Разумеется, дети часто нарушали это правило.

От скуки Финч стал наблюдать за жизнью станции. На платформе сейчас было не очень много народу – всего пара стариков, читающих газеты. По другую сторону от путей, куда можно было добраться по мосткам, проходящим у стены над трамвайными проемами, люди буквально толпились: направление в сторону центра города было более популярным, чем в сторону Горри, где жил Финч.

В дальнем конце платформы располагалась билетная касса, к окошку которой выстроилась небольшая очередь, там же стоял пожилой усатый станционный смотритель – он с кем-то говорил и громко, от души, хохотал. Под столбом с часами вместе со своей табуреточкой и стулом для клиентов разместился натиральщик башмаков в фартуке. Работы

у него сейчас хватало.

Как, впрочем, и у огромного человека в темно-синей форме и высоком шлеме с кокардой. Констебль держал за шиворот тощего мужчину, трепыхающегося у него в руках, словно свежепойманная рыба. «Рыба» болтала руками по сторонам, изо всех сил пытаясь извернуться и куснуть констебля за пальцы.

– Пусти! Пусти! – верещал человечек, привлекая к себе заинтересованные взгляды.

Финч с удивлением узнал в пойманном того, кто его толкнул, – неприятного типа с металлическим зубом.

Констебль был непреклонен.

– Ну да! – пробасил он. – Щас! Вот прям взял и пустил! – Он повернул голову к недоуменным свидетелям этой драмы или, учитывая злобные и в то же время комичные гримасы пойманного, скорее, трагикомедии. – Соблюдайте спокойствие! Жулик пойман! Возвращайтесь к своим делам!

– А что он сделал, сэр? – спросила старушка с клюкой, подлетевшая к месту происшествия с резвостью пожарной кареты. По ее вдохновенному сморщенному лицу было видно, что она жаждет подробностей, сплетен и чуть ли не свежих городских легенд. – Пытался испортить часы? Или хотел пробраться в трамвай без билета? Или намеревался подменить заголовки в газетах?

– Крался и выглядел подозрительным.

– Гм...

Старушка была так разочарована, как будто ей кто-то сообщил о том, что пятичасовые чаепития навсегда отменяются. Она-то, небось, надеялась, что жулик собирался подложить кому-нибудь в чай бомбу или как минимум украсть станционный колокол. Она огорченно махнула рукой и отправилась по своим делам.

– Пусти! – все верещал жулик под треск воротника собственного пальто. – Я ничего не делал!

– Соврешь об этом господину начальнику станции.

Констебль подтащил арестованного к полицейской будке, сплошь обклеенной плакатами с изображениями разыскиваемых лиц, затолкал его внутрь и последовал за ним. Со звуком захлопнувшейся двери станция снова зажила своей привычной жизнью. О происшествии все будто мгновенно забыли.

Финч не знал, что и думать. С одной стороны, он был рад, что толкнувший его мерзкий человек получил по заслугам. Но с другой – он боялся даже представить, что с ним сделают констебли. Может, мистер в котелке и выглядел подозрительно: у него были металлический зуб и злобредная усмешка, но это ведь еще не значит, что он заслужил оказаться в цепких лапах безжалостной полиции. Вспомнить только, какие жуткие истории ходили о людях в темно-синей форме! Все дети боятся констеблей – и не зря. Хотя дедушка говорит, что они не страшные, а просто строгие...

Мысли Финча прервал удар колокола. Из медных вещате-

лей над скамьями раздалось: *«Внимание, пассажиры! Трамвай подходит к станции!»*

И в самом деле — еще издалека слышались стук колес и грохот работающих механизмов. Вскоре, сопровождая свое появление трескучим звонком и клубами пара, сквозь проем на станцию заполз трамвай — темно-красный вагон с локомотивной рубкой, три двери-гармошки и рядом иллюминаторов по бокам.

Пыхтя дымом из трубы и скрежеща тормозами, вагон замедлился и вскоре замер у платформы. Двери открылись, на станцию сошло несколько человек. Среди них был кондуктор в фуражке и с компостером на ремне — он зажег папиретку, запыхтел ею и споро начал пробивать билеты подошедших пассажиров.

Финч поднялся со скамейки и встал в очередь. Когда дело дошло до него, он протянул кондуктору свой школьный билет. Трамвайщик засунул его в пасть компостера и нажал на рычажок. Билет вернулся в руки мальчика еще более надгрызенным: скоро на нем и вовсе не останется живого места.

— Это предпоследняя поездка, — сказал кондуктор. — Вам следует обновить школьный билет, юный мистер.

— Да, сэр. — Финч кивнул и вошел в вагон.

Здесь было теплее, чем на станции, — работали теплофоры. В обитом темным деревом салоне висели лампы, у иллюминаторов располагались сдвоенные сиденья. В вагоне было дымно: некоторые пассажиры курили, пряча лица за газе-

тами. С передовиц скалился какой-то важный джентльмен. Большие буквы заголовка саркастично восклицали: «СЕРЬЕЗНО?!» и «КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ?!»

Сняв со спины портфель, Финч занял свободное место. Ждать оставалось еще около пяти минут: это была узловая станция – на таких трамвай ожидают пассажиров.

Финч прислонился лбом к стеклу иллюминатора и выглянул наружу. Станция продолжала жить своей жизнью, не замечая, что его там больше нет, что он будто бы растаял и исчез, как снежинка на теплой стеклянной крыше.

Угрюмо ползущий взгляд мальчика вдруг остановился на двери полицейской будки. Рядом с ней стоял тот самый только что пойманный жулик! Как ни в чем не бывало он озирался, словно кого-то искал, и потирал руки одна о другую, согревая их.

«Неужели его отпустили? Так быстро? А как же констебль?! Как же все те ужасы полиции, о которых рассказывают?!»

Жулик уставился на трамвай, его взгляд пробежался по иллюминаторам и вдруг замер, встретившись со взглядом Финча. Уже знакомая злобная усмешка появилась на губах этого типа, блеснул металлический зуб.

Финч отпрянул от иллюминатора и взмолился про себя, чтобы трамвай поскорее тронулся.

Как назло, трамваю еще было стоять и стоять, а жулик размашистым валяжным шагом двинулся по платформе. Оста-

новившись у передних дверей, он протянул билет кондуктору. После чего, получив прокомпостированный билетик обратно, приподнял в ложном почтении котелок, одарил трамвайного служащего своей фирменной усмешкой и нырнул в вагон.

К огорчению и испугу Финча, он уселся не куда-нибудь, а на соседнее сиденье – несмотря на то, что в вагоне было множество пустых мест.

«Да что он прицепился?!» – с тревогой подумал Финч и устоялся в иллюминатор, боясь повернуться к соседу. Мальчик буквально чувствовал эту отвратительную усмешку рядом с собой, и она, он был уверен, ничего хорошего ему не сулила.

Пахло от незнакомца тоже весьма скверно: смесью дешевого табака и «Висельного джина» – самого неприязнательного пойла, которое можно достать в городе и от которого горло сводит, как от удавки. Так говорила миссис Поуп, консьержка дома, где жил Финч. От нее пахло примерно так же, как от этого неприятного типа.

Запах усилился, и Финч понял, что незнакомец наклонился к нему. Мальчику стало страшно. Лишь мучительным усилием воли он заставил себя не повернуться.

– Слышишь, коротышка, – злобно прошептал тип с соседнего кресла, – я знаю, что это ты меня заложил флику.

Финч обернулся к нему и бросил перепуганный взгляд по сторонам в поисках хоть кого-то, кто смог бы ему по-

мочь. Но пассажиры были слишком заняты своими делами, и вряд ли от них стоило ожидать помощи. Уж точно не от выглядевшей слегка сумасшедшей старухи с какой-то сложной оптической системой на лице, похожей на очки с выдвижными трубами и множеством линз.

Испуг Финча развеселил типа на соседнем сиденье.

– Да шучу я, коротышка, – усмехнулся он и добродушно, как ему казалось, а на деле достаточно болезненно ткнул мальчика локтем в бок. – Не трясись так, а то зубы стучат, прямо как голодные сиротки в приюте ложками по столу, ожидая обеда.

Финч понял, что бить его, скорее всего, не будут, и снова отвернулся. Он глядел на дверцу полицейской будки: вот-вот она откроется, и появится констебль. Он большой и сильный. Он схватит этого... этого жулика.

Но жулик, казалось, не боялся чьего бы то ни было появления. Он извлек из внутреннего кармана пальто фляжку, отпил из нее, поморщился и решил продолжить «беседу».

– Домой из школы? – спросил незнакомец, придвинувшись еще ближе к Финчу. – Волочишь портфель, набитый знаниями? Ха-ха...

Мальчик подумал, что если будет игнорировать этого типа, то тому скоро наскучит, и он отвяжется. Но незнакомец пока что решил не отвязываться и пустился в пространные рассуждения.

– Школа... кхм... я ее бросил, – сказал он доверительно,

будто не замечая, что Финч не хочет поддерживать разговор. Другой на его месте точно бы оскорбился, но такие люди, мальчик был уверен, просто не умеют испытывать неловкость. — Унылое местечко эта школа — ничему по-настоящему важному там не научат. К примеру, таким жизненно-необходимым вещам, как подсунуть болвану-кондуктору недействительный билет, или как запутать дурака-констебля, или как подкладывать расфуфыренным высокомерным джентльменам свиней, а их важным дамам — дохлых крыс.

С платформы раздался голос из вещателей: *«Пассажиры! Пассажиры! Трамвай отходит!»*

— Ух ты! — тут же прокомментировал сосед Финча. — Эта развалюха наконец трогается! Совсем не заставила себя ждать!

В вагон вернулся кондуктор. Он уселся в свое кресло возле рубки машиниста, закинул ногу на ногу и раскрыл газету. Двери-гармошки с шипением закрылись, механизмы в рубке перешли с сонного хода на рабочий, трамвай качнулся и пополз. Станция, с ее светом и теплом, будто страница книги, перелистнулась на холодный город, кривые деревья и снег.

— Эй, почтенный! — через полвагона обратился к кондуктору сосед Финча. — Мост Шелли когда там у нас?

— Через две станции, — ответил кондуктор, даже не подняв взгляд от газеты.

«Неужели? — с потаенной радостью подумал Финч. — Неужели этот тип сходит с трамвая на три станции раньше

меня? Это значит, что он не увяжется за мной до самого дома. Но как вытерпеть его целых две станции?»

— Ты видал? — Незнакомец тем временем снова ткнул Финча локтем и кивнул на кондуктора: — Какой занятой! Как будто там что-то печатают, в этих газетенках, кроме мусора. Подумаешь... Тебя как звать, коротышка? — Мальчик проигнорировал, но незнакомец не смутился: — Меня все зовут Кэттли. А тебя как?

Финч продолжал глядеть в окно, делая вид, что никак его не зовут.

— Кажется, у тебя что-то с ушами, — недобро заметил мистер Кэттли. — Да и в целом как-то ты неважно выглядишь. Бледный. Синяки под глазами. Не заболел, часом?

Мальчик молча протер рукавом запотевший иллюминатор.

Трамвай свернул на узкую запруженную улицу, вдоль которой выстроились хмурые дома с синими крышами. Рокот и клаксонирование экипажей, а также фырчание их труб проникали и в вагон. В облаках дыма и пара по мостовой медленно ползли троффы со складными крышами-гармошками, месили снег своими здоровенными колесами черные флеппины — громоздкие общественные экипажи на шесть пассажиров. Над дорогой, ловко минуя скопление паровых колесных экипажей, прошагал нефф, похожий на переевшую рыбу на механических ногах. Мимо, жужжа винтами, пронесся кнофф — двухместный аэростат, дымящий, как сотня

курильщиков. Он пролетел совсем близко от трамвая – прорезал снегопад и скрылся.

Скрашивая дорогу в школу или домой, Финч всегда наблюдал за всеми этими экипажами, а также за людьми, которые мелькали в их окнах. Он представлял, куда именно едет, шагает или летит та или иная махина, и придумывал, кто сидит внутри – пытался разгадать, что у пассажиров на уме, и ему становилось не так беспросветно скучно, как всегда.

Однако сейчас Финч никак не мог отвлечься. Все его мысли были заняты этим непредсказуемым мистером Кэттли, который сидел рядом и который в любой момент мог выкинуть какой-нибудь пренеприятный фокус.

Очевидно, отложив фокусы на потом, мистер Кэттли с деланным пониманием поинтересовался:

– Папочка с мамочкой запретили разговаривать с незнакомцами?

– Дедушка запретил, – машинально уточнил Финч, поглядев на ухмыляющегося типа.

– Попался! – радостно сообщил сосед.

Финч нахмурился и отвернулся к окну.

– Значит, ты с дедушкой живешь? – спросил мистер Кэттли.

– Да, – зачем-то ответил мальчик, хоть и собирался молчать.

– Мои папочка с мамочкой тоже сбежали, когда я был коротышкой вроде тебя.

Финч возмущенно уставился на этого наглого человека в котелке.

– Мои родители не сбежали... Они... они... – мальчик запнулся и замолчал. Почему-то он считал важным ответить этому мерзкому типу, защитить своих родителей, и все же не смог договорить.

– Сиротка, значит? – бесцеремонно уточнил мистер Кэттли. – Хм. Да ты не расстраивайся! Без них всяко лучше! Никто не нудит, тростью не лупит, не ворчит постоянно. Дедушка твой как? Злобный хрыч или жить можно?

– Дедушка хороший.

– Повезло. Только в школу заставляет ходить и носить дурацкую форму.

Финч промолчал, и мистер Кэттли добавил:

– Врет, небось, что это важно. Что без этого никак. А ты на меня погляди! Беззаботен! Великолепен! Успешен!

Финч мог бы согласиться только с первым. Беззаботности мистера Кэттли позавидовала бы и кошка, лениво разлегшаяся в корзинке у камина и с заранее раскрытой пастью ожидающая новую делегацию мышей.

Мистер Кэттли продолжил:

– Дедушка твой боится, что ты узнаешь ужасную тайну: ты только время впустую тратишь на эту учебу, на задания всякие домашние. Можешь поверить, он тебе многого не рассказывает...

– Дедушка мне все рассказывает! – с вызовом заявил

Финч. Он и не заметил, как встрял в разговор, в котором не собирался принимать участия. Должно быть, втягивание в разговоры наивных школьников тоже было особым умением мистера Кэттли, которому в школах не обучают. – Он никогда не врет! Он на войне был!

На мерзкого типа в котелке довод мальчика произвел не слишком сильное впечатление.

– Фу-ты ну-ты! Аж на войне? – презрительно скривился он. – И у него нет никаких секретов? У всех есть грязные тайны.

– У дедушки нет.

– И у него нет никаких запертых шкафов, ящичков стола или дверей в квартире, куда тебе запрещено соваться?

Финч уже собирался ответить, что нет, но тут же сник. Он вспомнил о дверце старого гардероба в спальне дедушки. Та всегда была заперта на ключ. Мальчик спросил однажды, что же там хранится, а дедушка ответил: «Дивная коллекция носов любопытных детей, которые совали их куда не просят». Тогда Финчу было пять лет, и он поверил дедушке, очень испугался и старался больше не думать об этой дверце. Теперь же он понимал, что вряд ли там действительно хранились аккуратненько сложенные и дотошно подписанные детские носы.

По молчанию Финча мистер Кэттли сразу же все понял.

– Ха-ха-ха. – Он даже обхватил себя за плечи, должно быть, чтобы не лопнуть со смеху. – Так я и думал! Чтоб ты

знал, все ото всех что-то да скрывают. Бывает так, что все буквально всё скрывают ото всех. Особенно от детей. Дети глупые – так считается. Они не умеют держать язык за зубами. На них нельзя полагаться, и в головах у них одни опилки. У тебя как с этим обстоит? Тоже любишь поболтать? – Мистер Кэттли с сомнением поглядел на мальчика. – Хотя о чем это я! Таких молчунов еще поискать. О чем мы говорили?

– Не знаю. О секретах?

– Точно! – хлопнул себя по колену мистер Кэттли. От штанины поднялось облачко пыли. – А что твои родители? Думаешь, у них не было от тебя секретов?

– Не знаю, – отстраненно сказал мальчик. – Дедушка говорит, они были хорошими и честными.

Мистер Кэттли тут же нашелся с ответом:

– Выходит, ты их не помнишь и не знаешь, правда ли это. А сказать можно все что угодно!

– Я верю, что они были хорошие! – вскинулся Финч, повернувшись к этому мерзкому типу так резко, что тот даже вздрогнул.

– Ладно-ладно! – Мистер Кэттли поднял руки, будто опасаясь, что мальчик его сейчас укусит. – Спокойнее! Вам в школе не выдают намордники? Очень зря. Чуть не кинулся... Так что твой честный-пречестный дедушка говорит тебе о папочке с мамочкой? Ну, куда они... фьюить? Или, вернее, как они... фьюить?

Финч незряче уставился перед собой. Он и не заметил,

как вещатели над дверями что-то пробубнили. Трамвай остановился и открыл двери, выпустил двух пассажиров, впустил одного, закрыл двери и двинулся дальше.

Он думал о том, как же так вышло, что он обсуждает своих папу и маму с этим отвратительным человеком. Он их вообще ни с кем не обсуждает, даже с дедушкой. А этот жулик мистер Кэттли вот так запросто умудрился заставить его завести речь о родителях. Будто крючки забрасывал, как при ловле снежных рыб. А он, Финч, и попался.

– Да не бойся ты так! – добродушно проговорил жулик. – Мы ж с тобой старые друзья! Ну так?..

– Дедушка сказал, была снежная буря. Они не успели...

Интерес мистера Кэттли мгновенно иссяк.

– Где-то я уже подобное слышал, – совершенно равнодушно сказал он. – А, ну точно! В сиротском приюте «Грауэнс». Там родители каждого несчастного коротышки, кого из них ни спроси, исчезли в страшной-ужасной снежной буре. Но не у каждого так обстоит все на самом деле, если ты понимаешь, о чем я.

– Не понимаю.

Мистер Кэттли нацепил на себя утомленный вид, но тем не менее пояснил:

– Все истории, которые рассказывают сироты, одинаковы и начинаются с одних и тех же занудных слов: «Была снежная буря. Они пошли в лавку за печеньем и не успели вернуться...» Но очень часто их папочки в итоге отыскивают-

ся в пабе, а мамочки – замужем за каким-то хмырем и с кучей новых, более удавшихся деток. Прямо как мои родители. Но я тоже врал про снежную бурю. Так что наверняка дедушка твой – вун.

– Нет! – воскликнул Финч. – Сами вы вун!

– И весьма хороший, – растянул губы в самой широкой улыбке, на которую, видимо, был способен, мистер Кэттли. – И горжусь этим.

– Дедушка говорит, что обманывать плохо!

Мистер Кэттли начал шарить в карманах пальто. Финч испуганно подумал, что этот отвратительный человек ищет револьвер, чтобы застрелить его. Нет! Использовать револьвер было бы слишком шумно. Он ищет нож! Точно! Ткнуть мальчишку ножом и прислонить к окну, сойти себе просто на своей станции, и поминай как звали.

Наконец мистер Кэттли прекратил свой поиск и извлек из кармана подпорченный ржавчиной портсигар. Открыв его, он достал полосатую папиретку, чиркнул длинной спичкой и закурил. Табак был хуже некуда. От едкого дыма на глаза наворачивались слезы. Финч тут же закашлялся.

«Он хочет отравить меня?» – подумал мальчик.

Но мистер Кэттли не собирался никого травить – по крайней мере, в данную секунду. Он ударился в рассуждения:

– Обман – это плохо только в глазах тех, кто в нем не преуспевает. Либо тех, кто не хочет, чтобы этот нужный и полезный инструмент использовали против них. Либо и тех,

и других. Обман помогает в моменты, когда уже ничто не поможет. Обман открывает двери, решает затруднения. Обман спасал мою шкуру множество раз.

— Но если я знаю, что вы врун, то вам не верю, и ваш обман не сработает, — заметил мальчик.

— Хорошо, — невозмутимо кивнул мистер Кэттли. — Что из того, что я тебе рассказал за все время нашей увлекательной беседы, было ложью?

Финч только открыл рот, чтобы ответить, но... тут же вынужденно его захлопнул. Каждое утверждение этого человека было сказано так простодушно и беззаботно, что не было смысла сомневаться в его словах. И несмотря ни на что, тот запросто мог все время врать, изобретать на ходу истории про приют, про своих родителей и прочее. Может, его звали даже не Кэттли.

Мистер Кэттли продолжил мысли мальчика:

— А все потому, что я не дал тебе поводов считать, что я обманываю.

Финч был совершенно сбит с толку:

— Так вы не обманывали? Все было правдой?

— Да, — ответил мистер Кэттли. — Или нет. А ты никак не можешь проверить. В этом есть своя прелесть, согласишься. Буквально каждое мое утверждение может оказаться ложью, но при этом равнозначно и правдой тоже может быть. Ты к чему склоняешься?

— Я... я не знаю. Вам ведь нет смысла обманывать?

– Действительно. – Мистер Кэттли выразительно поглядел на мальчика. – Зачем бы мне это было нужно?

В его глазах промелькнул коварный блеск, и Финч едва не вжался в иллюминатор.

– Гм... да чего ты такой пугливый? Мы просто миленько разговариваем.

Разговор походил на что угодно, но ничего «милого» в нем точно не было. Тон, манеры, выражение лица и взгляд мистера Кэттли заставляли думать, что он просто потешается над Финчем.

Еще одна станция осталась позади. Но мальчик снова этого не заметил.

– А как вы от того констебля отделались? – спросил он. Его это действительно интересовало.

– Все дело в моем любимом обмане, – без затей признался мистер Кэттли. – Я ему шепнул кое-что, а он и поверил. Вот ты мне можешь сказать, почему врать плохо? И не надо про твоего этого дедушку. Просто ответь.

– Потому что... э-э-э... – Мальчик задумался. – Могут побить, когда узнают, что ты соврал.

– Это значит, что попадаться на обмане плохо. А не сам обман.

– Ну тогда... ну тогда... Ложь вредит людям...

– Как это? – с искренним удивлением спросил мистер Кэттли.

– Ну... Когда я обманиваю, мне ведь верят. И они... они

потом делают что-то из-за того, что я сказал. Но это была неправда.

Мистер Кэттли фыркнул.

– А ты, коротышка, явно не блещешь в классе риторики. Но я тебя понял, хотя это было совсем не просто. И ты все равно не прав. Злоупотребляя их наивностью и доверием, я делаю их умнее. В итоге. А издержки... Ну так это ведь жизнь, верно? Кто-то всегда остается в выигрыше, а кто-то довольствуется пустым карманом. Так почему не быть в числе первых?

Финч не мог ответить. Он знал, что мистер Кэттли говорит плохие вещи, но не мог объяснить, что в них плохого. Не мог ни с чем спорить. Все звучало очень убедительно.

– Ложь бывает красивая и сложная, – продолжал мистер Кэттли. – Качественная ложь – произведение искусства и исключительно творческий процесс. По-настоящему хорошим лжецом стать трудно. Нужны годы практики и фантазия.

– У меня нет фантазии, – признался Финч.

– Это грустно.

– Да. Я просто отсталый.

Мистер Кэттли удивленно изогнул бровь.

– Почему это? Я как-то не заметил.

– Так говорят.

– Кто говорит? Дедушка?

– Нет. Все другие. Особенно учителя.

– Все другие – тупицы и идиоты, – безапелляционно за-

явил мистер Кэттли. – Особенно учителя. Учителя вообще те еще монстры. Был у меня в приюте один учитель, мистер Кворкин. Как-то я увидел, что он ест глаза одного из сирот.

Финч содрогнулся, живо представив это кошмарное зрелище.

– Как это «ест»? – шепотом спросил он.

– Мистер Кворкин схватил за голову бедного коротышку и как будто целовал его глаза. Но когда целуют, не жуют. И кровь не течет.

Финч даже не успел как следует испугаться, когда вдруг понял:

– Вы сейчас врете?

– Кто знает... – задумчиво ответил мистер Кэттли, и эта его отстраненная задумчивость показалась Финчу очень жуткой.

«Станция *“Мост Шелли. Шелли”*», – сообщили вещатели, и трамвай начал замедляться.

Мистер Кэттли вскочил, словно внезапно обнаружил канцелярскую кнопку на своем сиденье.

– Моя станция, – сказал он и подмигнул. – Приятно было поболтать. До встречи, коротышка.

Мистер Кэттли развернулся и размашистым шагом двинулся к передней площадке, скорее оскорбительно, чем почтительно кивнул кондуктору, после чего соскочил с подножки в снег.

Финч очень понадеялся, что упомянутой встречи никогда

в его жизни не случится.

Прорезая снег, трамвай громыхал по мосту Шелли. Под ним располагался сам Шелли – небольшой район, выстроенный на холмах. В нескольких футах от ограждения моста располагались покатые черепичные крыши, окутанные каминным дымом, который выползал из кирпичных дымоходов. На шпилях неспешно крутились чаши анемометров. В чердачном окне одного из домов прыгала собака. Она лаяла вслед трамваю, будто провожая его гневными ругательствами.

В иное время Финч, вероятно, как-нибудь отреагировал бы – может, даже показал бы этой псине язык, но сейчас он даже не увидел ее, глубоко уйдя в свои мысли. Он думал о словах мистера Кэттли. Думал про обман, про школу, про приют, про бабушку и про родителей...

Финч так задумался, что сперва даже не заметил, как трамвай преодолел мост Шелли и оказался в Горри, среди тесных кварталчиков и неказистых домишек.

Рупоры-вещатели ожили. Из них посыпался треск и потекло шипение. Пассажиры оторвались от газет и недоуменно задрали головы – трамвай еще не добрался до станции,

значит, это было не объявление о прибытии.

Скрипучий голос заговорил: *«Внимание, пассажиры! Метеорологическая станция из Бруберри передает, что ожидается очередная снежная буря. Предупреждение! Предупреждение! Через шесть дней! Ожидается снежная буря! Будьте готовы и следуйте установленным инструкциям!»*

Финч вздохнул. Он посмотрел на прочих пассажиров. В вагоне все без исключения выглядели раздосадованными и мрачными. Ну еще бы: все дела отменять из-за бури!

– Лишний повод Горбисту или Уолшшам набить карманы, – сердито сказал кто-то из пассажиров.

– Да-да... – ответили ему.

Что ж, вот кто сейчас, должно быть, ждал снежную бурю с нетерпением, так это упомянутые личности, которых буря должна была лишь обогатить. Господин Горбист и семейство Уолшшей владели компаниями по добыче и переработке снега. Самые важные люди в городе, они летали на своих частных дирижаблях, ходили в дорогие рестораны, и о них часто писали в газетах.

В классе Финча училась Уиллаби Уолшш, одна из самых нелюбимых то ли племянниц, то ли внучек старого господина Уолшша, сосланная в школу Фьорити за какую-то провинность и вынужденная учиться вместе с такими, как Финч. В классе все презирали Уиллаби за богатство ее семьи, а еще потому, что она была толстухой. Миссис Оул и другие учителя иногда говорили, что она так и умрет толстой и никем

не любимой. Одноклассников Финча это весьма забавляло.

Трамвай подошел к очередной станции. А за ней вскоре и к следующей, а Финч все думал о снежной буре. Дедушка пек имбирное печенье, когда начинались бури, и пытался не подавать виду, но от Финча не могло укрыться, что он в эти дни становится печальным и рассеянным. Впрочем, не он один...

Снежные бури, накрывающие город своим колючим пуховым одеялом, длились по несколько дней. В такое время жизнь повсеместно останавливалась, все дома запирались. Город оказывался во власти ужасной метели – находиться в такое время на улице было верной смертью.

Сказать по правде, жители города боялись не только снега, но и тех, кто якобы с ним приходил. Злые языки поговаривали о тварях, выжидающих в метелях и питающихся людьми, но никто никогда этих тварей не видел. Самые ярые выдумщики заверяли, будто слышали смех в ветре и видели жутких уродливых существ, ползающих по стенам домов и скребущих в штормовые ставни когтями. И хоть мало кто верил этим рассказам, в каждую бурю неизменно кто-то пропадал – не успевал добраться домой, терялся или замерзал насмерть. Об этих несчастных потом писали на передовице газет целую неделю после того, как все заканчивалось.

Город переживал ненастье, ветер постепенно стихал, метель умирала – снегопад на короткое время почти прекращался. Тогда открывались люки, и снег уходил под землю,

где располагались гремпины – цеха по переработке. Автоматы-уборщики выезжали на улицы, расчищали тротуары и мостовые, освобождали дома и их жителей из снежного плена. Постепенно жизнь снова возвращалась в норму. До следующего подобного предупреждения о приближающейся снежной напасти.

Последняя буря была почти три с половиной месяца назад и длилась ровно неделю. И вот в трамвае все принялись гадать, сколько продлится новая. Кто-то без особой радости в голосе сообщил, что наконец появится возможность дочитать книгу, еще кто-то достал из кармана блокнот и взялся составлять список покупок, чтобы пополнить запасы, а молодая мисс, сидевшая перед Финчем, посетовала на то, что спектакль в театре «Карди-Бра», на который она возлагала особые надежды, отменят...

Вагон наконец подошел к его станции. Сквозь запотевший иллюминатор Финч уже видел свой квартал: нестройный ряд домов с темно-зелеными крышами.

«Станция *“Трум. Горри”*», – сообщили вещатели, а затем трамвай остановился и с шипением раскрыл двери.

Финч поднялся и направился к выходу.

Станция «Трум» была совсем крошечной. Над лаконичной платформой темнел небольшой кованый навес, множество раз залатанный, – под ним размещались одинокая скамейка да будка станционного смотрителя, старого мистера Перри. Часы с единственным циферблатом всегда отстава-

ли, стекло в них треснуло. Теплорешетки на краю платформы пребывали в плачевном состоянии и вечно забивались или выходили из строя.

Вот и сейчас, стоило Финчу сойти с подножки, как он увидел мистера Перри в длинной шинели и съехавшей набок фуражке, ковырявшего что-то в медных конусах в глубине рычащего и фыркающего напольного радиатора. В руке старик держал механический ключ, при этом сам он раскраснелся и пыхтел, как паровоз.

– Добрый день, мистер Перри, – поздоровался Финч. – Снова сломалась?

– О! Здравствуй, Финч, – отозвался станционный смотритель, подняв взгляд. – Уже третий раз за день забилась, проклятая. Один мистер не смог стряхнуть снег, можешь поверить? А где это видано, чтобы в трамвай заходили с башмаками в снегу!

– Но у трамваев ведь есть свои теплорешетки, – заметил Финч.

Мистер Перри был очень стар и при этом старательно не замечал происходящих кругом изменений. Он до сих пор считал, что все городские автоматы работают на пару, а уж об электричестве, который Уоллши добывают в гремпинах и которым питается весь центр города, и слыхом не слыхивал.

– Ты что, Финч?! – махнул рукой старик. – Чтобы они в трамваях стояли?! Все ж на нас держится, на станционщи-

ках... Этим трамвайщикам всегда на порядок было чихнуть и размазать.

— Да, вы говорили, мистер Перри, — не стал спорить Финч. Смотритель частенько жаловался на своих заклятых врагов — ленивых трамвайщиков, которые, мол, только и делают, что колесят по рельсам, и бед не знают. — Хорошего дня, мистер Перри.

— Передавай привет дедушке, — пробормотал старик и, подкрутив седые усы, снова склонился над решеткой. — Где-то тут был вентиль, похожий на ухо...

...Дом № 17 ютился среди таких же старых и понурых домов улицы Трум. Семь этажей, темно-зеленая черепичная крыша, горбатые дымоходы, каминные и кухонные трубы, а также флюгер в виде часовой стрелки да круглое чердачное окно. Точно такой же дом, как № 16 или № 18.

Его бы совсем ничто не отличало, если бы не старый ржавый дирижабль на заднем дворе. На памяти Финча эта сплошь облепленная снегом штукавина всегда там стояла, привалившись к кирпичной стене, будто прилегла отдохнуть и затем забыла, как подняться обратно. Финч не помнил, чтобы дирижабль когда-то взлетал или подавал хоть какие-либо признаки жизни. Если, конечно, не считать признаком жизни мистера Хэмма, старого сумасшедшего пьяницу, который квартировал внутри и клятвенно заверял всех, что его «Дженни» немало повидала во время войны, соверши-

ла множество опасных полетов и пережила бесчисленное количество приключений. Разумеется, ему никто не верил. Стоило только взглянуть на «Дженни», напоминающую огромный сугроб, или понюхать самого мистера Хэмма...

Финч медленно брел к дому и, глядя на него, в очередной раз вспомнил, почему ему не нравится Горри. Он считал, что здесь живут одни только злые и несчастные люди. Время на этих улочках будто бы замерло, как в снежную бурю, — а на самой Трум вообще никогда ничего не происходило.

Жизнь в здешних крошечных квартирках была невероятно скучной и монотонной, день повторялся за днем, и порой было трудно понять, наступило ли уже сегодня или все еще тянется вчера. Да и люди, что обретались в Горри, соответствовали такой жизни: занудные, мелочные и мелкие, никого здесь ничто не заботило. Финч отчаянно не хотел вырасти и превратиться в кого-нибудь из местных взрослых: безликих, хмурых, просыпающих почти всю жизнь и просыпающихся, только чтобы сделать какие-то унылые неважные дела, а затем снова лечь спать.

Если бы кто-нибудь спросил мнения Финча, он предпочел бы жить где-нибудь в другом месте. Но где именно, он бы ответить не смог. Тот же Шелли пугал его своим шумом, старыми мостами, которые могли в любой момент упасть на голову, да людьми вроде мистера Кэттли, которые сходят там на станции. Ну а других районов он, по сути, и не знал... Как это ни грустно признавать, его место было в Горри, где

ему предстояло состариться и умереть, если скука или тоска не задушат его быстрее...

Вот и дом № 17. Он нависал над улицей, будто готов был завалиться. Вечер вступал в свои права, и некоторые окна уже светились.

Окно комнаты Финча темнело – конечно, он ведь здесь, внизу, еще не вернулся из школы. Рядом располагалось окно их кухни. Там сейчас был дедушка – как обычно, готовил обед и...

Окно кухни не светилось. Неужели дедушка заснул в своем кресле за газетой? Такое с ним в последнее время случилось все чаще...

Финчу оставалось перейти узкую мостовую, по которой ездил разве что крошечный старенький трофф мистера Дьюи, их почтальона, когда он увидел то, что заставило его поморщиться.

– Только тебя не хватало, – проворчал Финч и пригнулся.

Из-за угла соседнего дома показалась невысокая, но очень важная фигура.

На мисс Арабелле Джей было рыжевато-коричневое пальто. Ее рыжую шапку с длинными ушами-завязками, которые она, как всякая примерная девочка, завязывала под подбородком, было видно за полквартала.

Судя по коричневому бумажному пакету из лавки «Мередит Момм», который она прижимала к груди, как невероятное сокровище, мама посылала ее за покупками.

К невероятной досаде Финча, Арабелла была его соседкой и жила в том же доме, что и он, но этажом ниже. Зная гнусные повадки этой девчонки, мальчик предположил, что, пока он был наказан в классе миссис Оул, она уже успела сделать все уроки и даже пообедать. Вот сейчас он ей отомстит за то, что его из-за нее наказали, ведь это именно ее он ненавидел, когда заметила учительница.

Финч наклонился к земле и взял в руки немного снега. Слепив снежок и как следует прицелившись, он швырнул его прямо в важно вышагивающую фигуру в рыжей шапке.

Снежок пролетел над мостовой и врезался Арабелле Джей в лицо.

Коварное нападение стало для девочки полнейшей неожиданностью. Сама она, к сожалению Финча, не упала, но пакет все же выронила. Из него вывалилось и рассыпалось по снегу с полдюжины рыб, трепыхая хвостами и плавниками. Пользуясь шансом, рыбки стали расползаться по снегу прочь.

Девочка вытерла ладошкой налипший на глаза снег и увидела Финча.

– Финч! – закричала Арабелла. – Ненавижу тебя! Ненавижу!

Она наклонилась и принялась собирать убегающую рыбу обратно в пакет. А Финч, весьма довольный собой, тем временем пронесся через узкую проезжую часть и нырнул в свой подъезд.

В подъезде дома № 17, как и всегда, было мрачно и неудобно: лампы приглушенно горели лишь над входной дверью да над решеткой лифта, в то время как лестница тонула во тьме.

Стоило Финчу переступить порог подъезда, как под его ногами заработала теплорешетка. Мальчик потоптался, чтобы поскорее стряхнуть снег.

– Добрый день, миссис Поуп! – поздоровался он с совершенно лысой немолодой женщиной, чье сморщенное лицо проглядывало в полукруглом окошке.

Консьержка не ответила. Она была очень занята – полировала свои жуткие длиннющие ногти пилочкой. Рядом развалилась ее лысая кошка Мо. Мо была лысой не потому, что являлась представительницей какой-нибудь экстравагантной породы, – она просто была плешивой, как и ее хозяйка.

– Добрый день, мистер Поуп! – Финч поприветствовал мужчину, сидевшего на стуле у лифта. Тот читал газету и не собирался отрываться от чтения, только чтобы ответить на приветствие какого-то мальчишки.

Мистер Поуп служил в их доме лифтером. У него не было домашних питомцев, кроме Мо и миссис Поуп.

Финч направился к лестнице – ездить на лифте могли лишь взрослые, а склочной консьержке только повод дай напомнить, что «Дети ходят пешком!».

Мальчик не прошел и пары шагов, как его остановили.

– Еще раз! – раздалось визгливое из окошка. – Я вижу снег

на башмаке!

Консьержка была просто помешана на чистоте в подъезде, и, если кто-то наносил снег с улицы, у нее случался приступ человеконенавистничества, который мог затянуться на целый месяц. Она и без того была крайне злобной особой, а в эти периоды становилась и вовсе невыносимой, превращаясь в настоящего тирана дома № 17.

Спорить с ней было бесполезно, и Финч нехотя вернулся ко входу – он прекрасно помнил, как она едва не оторвала ему уши, когда он занес снег в прошлый раз.

Теплорешетка включилась, мальчик потоптался на ней, удостоверился, что все растаяло и высохло, а затем сорвался с места и ринулся к лестнице, пока Арабелла не вернулась и не устроила ему трепку за снежок. Свой побег Финч не считал чем-то постыдным или малодушным, ведь, случись драка, силы были бы не равны, и он получил бы как следует – девчонки очень опасны в своей ярости.

Финч уже преодолел один темный пролет, когда хлопнула входная дверь и с первого этажа донесся крик:

– Где он?!

– Ноги, мисс Джей! – раздался ответный крик консьержки.

Финч рассмеялся. Намеренно громко, чтобы Арабелла слышала.

– Ты мне ответишь за это, Финч!

Мальчик не стал дожидаться, когда эта вредная девчонка

воплотит свою угрозу в жизнь, и побежал вверх по лестнице.

Тревожное предчувствие. Это такое состояние, когда поворачиваешь ключ в замочной скважине, открываешь дверь, переступаешь через порог и откуда-то уже знаешь, что тебя ждет что-то очень неприятное. И никаких рупоров-вещателей не нужно. Ты просто откуда-то это знаешь. Внутри словно все повисает, образуется пустота, и что-то там, откуда-то со дна тебя, твердит: «Еще немного... подожди...»

Вот и у Финча появилось подобное предчувствие. Радость от маленькой мести Арабелле иссякла, словно ее и не бывало.

В квартире было темно и холодно. Лампа над зеркалом в прихожей не горела.

Финч посмотрел на вешалку. На ней угадывались очертания коричневого дедушкиного пальто; на крючок был надет котелок в тон. Также рядом висел клетчатый шарф, без которого дедушка никогда никуда не выходил. Мальчик опустил взгляд – на стойке для обуви стояли темно-коричневые башмаки. Значит, дедушка точно дома.

Но почему тогда он никак не отреагировал на щелчок замка и скрип двери? Неужели он так крепко заснул?

А еще... почему же так холодно?

– Деда! – позвал Финч. – Я дома!

Он снял портфель со спины, повесил пальто, шарф и шапку на вешалку, стянул башмаки и направился в гостиную. Недоброе предчувствие усилилось: что-то стряслось. Дедушка был старым, часто болел, и Финч очень боялся того, что может обнаружить...

В гостиной, как и во всей квартире, было темно.

Беспокойство немного отступило. С одной стороны, мальчик не увидел дедушку молчаливым и мертвенно-бледным, со съехавшими с носа очками. Но с другой... он вообще его не увидел.

– Деда! – позвал Финч. – Ты где?

Лишь тишина в ответ. Даже напольные часы в углу не тикали. Маятник висел по центру с видом удачливого самоубийцы. Вероятно, дедушка забыл подтянуть гирьки, и часы остановились. Кресло, в котором он обычно разбирал свою коллекцию почтовых марок с дирижаблями, пустовало, на нем лишь лежал аккуратно сложенный клетчатый плед. Рядом стоял круглый столик с радиофором, бронзовый рог которого угрюмо глядел в пол. Камин был закрыт решеткой и, судя по всему, вообще с утра не зажигался.

– Деда!

В кухне Финча встретила та же картина: пусто, темно и мрачно. Дедушки не было и здесь. Печка погашена. Никакого обеда. Дедушка не мог не приготовить обед! Тако-

го никогда не случилось. Он всегда говорил, что пропускать обед вредно для душевного равновесия. Неужели он так давно ушел?

«Но он ведь не ушел, – напомнил себе мальчик. – Его одежда на вешалке!»

Неприятные подозрения Финча окрепли, когда он вошел в коридор. Дверь дедушкиной комнаты была приоткрыта. Мальчик испуганно направился прямо к ней.

– Деда?

Финч толкнул дверь и сразу же понял, почему в квартире так холодно.

Окно в комнате дедушки было распахнуто настежь. Снег залетал в него и падал на ковер. У подоконника сгрудился уже приличный сугроб.

«Почему окно открыто?»

Кровать дедушки была застелена. Самого его в спальне не оказалось.

Финч пересек комнату и поспешил закрыть окно. Он взялся за ручку и уже потянул было створку на себя, когда увидел вдруг кое-что странное. На карнизе с той стороны окна в снегу отпечатался след башмака. След вел из квартиры.

Финч сперва даже не понял, что видит. Все это казалось просто абсурдным. Кому нужно выходить через окно на пятом этаже? Да и зачем?..

Мальчик вздрогнул от ужасной догадки. Он перегнулся через подоконник и выглянул в окно. Внизу не было ничего

необычного. Задний двор, огороженный ветхой кирпичной стеной. Разбитый фонарь на столбе. Сугробы, протоптанная дорожка от калитки, ведущая к черному ходу в дом, да развалюха-дирижабль «Дженни», из трубы которой поднимался одинокий дымок; единственный очищенный от снега иллюминатор горел теплым рыжим светом: мистер Хэмм был дома.

И никакого следа под окнами. Никаких занесенных снегом очертаний лежащего внизу дедушки.

Финч с облегчением вздохнул и пообещал себе спросить у дедушки, что это за странный след и почему окно открыто, – только бы его найти сперва.

Он закрыл окно, задвинул щеколду и уже направился было к выходу из спальни, но не успел сделать и двух шагов, как вдруг увидел то, что заставило его застыть на месте.

Дверца большого и тяжелого, как сотня беспокойных сердец, гардероба дедушки – именно та, за которой якобы хранились носы любопытных детей, – была открыта!

Финч впервые увидел содержимое шкафа. На вешалках висели старые костюмы: черный фрак, шинель, которую дедушка надевал в самые лютые морозы, багровая военная форма. Внутренние ящики были выдвинуты, как будто кто-то в спешке что-то доставал из них или искал там что-то.

Финч подошел и заглянул внутрь – все они были пусты. Мальчик задвинул ящики один за другим. И вдруг услышал, как в нижнем что-то перекатилось и глухо стукнулось

о заднюю стенку. Он вновь выдвинул ящик и обнаружил на дне изогнутый бронзовый рычажок с черной резной ручкой на конце. На ручке было выгравировано: «Штейн и Фонни». С разочарованием Финч понял, что это всего лишь запасная ручка для завода радиофора из гостиной. «Штейн и Фонни» – так называлась фабрика, выпускающая механизмы для прослушивания радиопередач.

Финч вернул ручку на место, задвинул ящик и вышел из комнаты. Ничего не понимая, он заглянул в свою спальню – там на кровати лежала книжка «Семнадцать мертвых кукол», которую дедушка взял для него в библиотеке и которую Финч читал перед сном.

Это было уже совсем не смешно.

Он обыскал квартиру. Заглянул даже в чулан в прихожей. По всем признакам дедушка просто не мог не быть дома, но все дело как раз заключалось в том, что его там не было.

Вывод напрашивался неутешительный: дедушка пропал.

Глава 2. Рыбий хвост, фотокарточка и гадкий обман

Старые лестницы в старых домах между собой похожи, и в то же время в каждой из них есть что-то свое, уникальное. Вот и лестница в доме № 17 на улице Трум как две капли походила на прочие лестницы в других домах, но в ней все же ощущалось что-то исключительно странное и необычное.

Если приглядеться, на некоторых ступенях можно было различить полустертые следы башмаков – черные, как будто выжженные (миссис Поуп никак не могла их оттереть), еще на каждом пролете на стене висели сломанные часы с погнутыми стрелками – зачем они тут и кто их сломал, Финч не знал, но дедушка говорил, что это случилось в тот момент, когда старый домовладелец покинул дом. А еще здесь висел запах – очень странный сладковатый запах, но что его издаст, мальчик так и не выяснил, хоть не один раз, вооружившись собственным носом и твердой уверенностью раскрыть тайну непонятного запаха, исследовал всю лестницу вдоль и поперек.

Сейчас, впрочем, Финча не заботили ни выжженные следы, ни часы с погнутыми стрелками, ни даже запах. Он прятался. Прятался на лестнице. И то, что свет здесь не горел, было ему на руку.

Финч замер и, набрав в легкие побольше воздуха, осторожно выглянул на первый этаж.

Негромко мурлыкало радио: заунывная мелодия порой прерывалась трескучими помехами. В полукруглом окошке, как и всегда, поблескивала лысина консержки. Злые колючие глазки миссис Поуп тонули в фиолетовых тенях, тонкие губы также были обильно нафиолечены, да и в пудре эта женщина явно не знала меры: издалека ее можно было принять за весьма экстравагантный труп. Выражение сморщенного лица миссис Поуп заставляло думать, что она унюхала нечто мерзкое, хотя на самом деле консержка просто сосредоточилась.

Миссис Поуп была занята излюбленным делом: подравнивала длинные ногти пилочкой. Порой она отвлекалась на то, чтобы стукнуть по радиофору, когда мелодия превращалась в шипение, и на то, чтобы одарить развалившуюся на стойке Мо каким-нибудь глубокомысленным замечанием. Кошка отвечала ей своим коронным презрением, попросту игнорируя как хозяйку, так и весь окружающий мир.

Возле лифта стоял пустой стул, на котором лежала газета, грустная и одинокая без своего извечного спутника мистера Поупа. Лифтер был сейчас очень занят...

Финч покивал – все прошло по плану, все как он задумал и подстроил.

А ведь еще полчаса назад он и представить не мог, что решится на подобное...

...Полчаса назад Финч, обхватив себя за плечи, бродил по темной и пустой квартире, не в силах найти себе места. Мальчик пытался думать, но думалось с трудом – как будто он вручную заводил огромные шестерни в башенных часах. Очень ржавые шестерни.

Все его мысли были о таинственном исчезновении дедушки.

Тревога, которая мучила Финча с самого возвращения из школы, лишь усилилась. Он понимал, что такой человек, как его дедушка, который всегда дотошно следует распорядку дня, не мог просто выйти прогуляться и забыть о времени. Нет. Что-то случилось. Что-то плохое... Иначе дедушка сейчас был бы здесь – кряхтя, накладывал бы ему на тарелку кашу с грибными фрикадельками и, как обычно, интересовался бы успехами Финча, а Финч рассказывал бы ему об этой мерзкой Арабелле Джей, о строгой миссис Оул или о подозрительном мистере Кэттли из трамвая. Хотя о последнем, наверное, все же не стоило упоминать: дедушка вряд ли был бы рад узнать, что Финч заговорил с незнакомцем, еще и со столь откровенно злодейским.

«Дедушка просто куда-то вышел, – навязчиво лезло в голову. – У него появились дела. Ничего в этом нет странного. Может, он просто пошел в лавку? Точно, всего лишь пошел в лавку! Вдруг у нас закончились грибы для фрикаделек? Или хлеб? Или чай?»

Конечно же, ни в какую лавку дедушка не пошел. Финч в этом был уверен, как бы ни пытался убедить себя в обратном. За газетой дедушка также отправиться не мог, ведь сегодняшняя газета лежала тут же – на столике у радиофора. Корнелиус Фергин, в принципе, был домоседом и разве что порой ходил на бульвар Разбитое Сердце кормить птиц. Но делал он это редко, да и то по утрам.

«Ну почему я такой отсталый?!» – злясь на себя, думал Финч. Он все ломал голову, но другие варианты, где же дедушка, никак не придумывались. Может, по причине отсутствующей фантазии, а может, из-за того, что было не так уж и много мест, куда дедушка мог пойти, и...

Финч замер посреди гостиной и принялся обзывать себя самыми дрянными словами, которые знал. Ну конечно! Конечно же, дедушка был в доме! Более того, в единственном месте в этом доме, где, помимо их собственной квартиры, он мог провести не один час.

Финч бросился в прихожую, натянул башмаки и выскочил за дверь. Мчась вверх по лестнице, он пытался сдержать охватившую его радость. Он почти-почти нашел дедушку! Разумеется, тот был у своего лучшего друга, мистера Франки, который жил этажом выше. Дедушка часто к нему заходил, они играли в карты, а если точнее, в трольридж, обсуждали газетные статьи, с теплом вспоминали былые времена и осуждали нынешние.

Мистер Франки был затворником и никуда из квартиры

не выходил. Продукты ему доставляли из лавки, почту и газеты приносил мистер Дьюи, почтальон. Финчу дедушкин друг казался окончательно и бесповоротно сбрендившим, но дедушка очень ценил Конрада Франки и постоянно рассказывал внуку о его причудах. А рассказать было о чем: старый затворник страдал вялотекущей манией преследования и ко всем относился с подозрением. Он то и дело устраивал окружающим допросы, требовал пароли, а порой и вообще дергал посетителей за бороды и усы в попытках удостовериться, что те не накладные. Как-то дедушка сказал, что мистер Франки ущипнул его за щеку – старому чудаку пришлось в голову, что под видом друга к нему явился некто, напавший на его кожу, как костюм.

Надеясь, что на этот раз обойдется без щипков, Финч подошел к зеленой двери под овальной бронзовой табличкой «16» и потянул за цепочку звонка. Колокольчики в квартире зазвенели, и почти сразу раздались шаркающие шаги.

– Кто там? – спросили раздраженным голосом из-за двери.

– Мистер Франки! – позвал мальчик. – Откройте, это я, Финч!

– Какой еще Финч? – недружелюбно прохрипели с той стороны. – Не знаю никаких Финчей.

– Как это? – удивился Финч. – Я же внук мистера Фергина, вашего друга! – И тут мальчик вспомнил, что ему был выдан личный пароль: – Рыбий хвост.

Один за другим щелкнули несколько замков, и дверь приоткрылась. В образовавшейся щели показались недобрый глаз под косматой бровью и клочок встопорщенной седой бороды. Также мальчик различил воротник вишневого шлафрока с красными пуговицами.

– А, это ты, Финч, – проворчал мистер Франки. – Что сразу не сказал?

– Простите, сэр, – не стал спорить со стариком Финч. – А дедушка у вас?

– Что?

– Ну, мой дедушка, мистер Фергин. Он сейчас у вас?

– Нет тут твоего деда. Вчера играли. Он продулся знатно. А сегодня не заходил еще – видать, обиду затаил или придумывает, как бы отыграться...

Финч потрясенно застыл. Он так надеялся, что дедушка здесь – более того, он сам себя в этом уже настолько убедил, что сейчас просто отказывался верить.

– Но я... я думал...

– Передай от меня деду, что если он не хочет в следующий раз снова продуть, то пусть придумает что-то получше, чем собирать «мотыльков». Трольридж – это не бридж, и тут, если будешь зевать, все карты с «мотыльками» вылетят. Передай?

Финч неуверенно кивнул.

– Вот и славно, – добавил старик. – Рыбий хвост... хм...

Сказав это, мистер Франки наделил мальчика подозри-

тельным взглядом и закрыл дверь.

Финч развернулся и понуро поплелся обратно.

Переступив порог своей темной и холодной квартиры, он даже поежился от того, как там было угрюмо и неуютно. Требовалось исправить это как можно скорее.

Финч на ощупь забрался в чулан. Нашарив в темноте вентили на теплофорных и газовых трубах, он открутил их. После этого повернул колесико под плафоном лампы в прихожей. Чиркнула искра, и свет загорелся. Меньше чем через минуту загорелась лампа и в гостиной.

В квартире постепенно становилось теплее, но только не на душе у Финча. Он вернулся к тому, с чего начал. В доме бабушки нет – помимо мистера Франки, тот ни с кем из соседей не общался. А это значило, что бабушка и правда куда-то пошел, видимо, переодевшись во что-то из гардероба. Варианта было всего два: он либо спустился и покинул дом № 17, как и обычно, через дверь, либо... что ж, прежде чем рассматривать другой, абсурдный вариант со следом на карнизе, стоило проверить первый.

«Нужно убедиться», – подумал Финч и поймал себя на мерзком ощущении – он как будто взял в рот ком пыли.

Убедиться можно было только одним, крайне неприятным способом: спросить у человека, который знает в доме № 17 все и обо всех и неусыпно следит за каждым шагом жильцов. Если бабушка выходил из дома, она должна знать...

...Прежде чем спуститься на первый этаж, Финч кое-что взял из кухни, а затем вернулся на шестой. Но уже не к мистеру Франки. Подойдя к лифту и приставив ухо к холодной решетке, он прислушался. Кабинка, как он и полагал, стояла внизу.

Для его плана было бы логичнее подняться на последний, седьмой этаж, но Финч не решился – детям появляться там запрещалось. Под крышей располагались квартиры самых важных жильцов дома, а те считали, что присутствие детей на их этаже недопустимо. Однажды Финч из любопытства все-таки поднялся туда. Признаться, его ждало разочарование – ничего хоть сколько-нибудь интересного он на седьмом этаже не обнаружил: решетка лифта, черная низкая дверца, ведущая на чердак, и двери трех квартир.

В одной из тех квартир, к слову, жила мадам Клара, самая строгая и грозная женщина из всех, которых знал Финч. Она была няней – смотрела за чужими младенцами и при этом состояла в каком-то дальнем родстве с домовладельцем господином Борганом. Мадам пользовалась уважением всех жильцов, даже консьержка лебезила перед ней, как будто та – верховный судья. Финч боялся мадам Клару, а еще она казалась ему... в общем, она была очень-очень красивой.

Подумав о мадам Кларе, Финч проглотил вставший в горле ком: сейчас встретиться с ней ему хотелось меньше всего...

Финч дернул рычажок. Внизу, рядом со стулом мистера Поупа, должен был зазвенеть колокольчик, вызывая лифт на шестой этаж. Как мальчик ни вслушивался, колокольчика он не услышал, зато прекрасно разобрал кряхтение мистера Поупа, пронесшееся через весь дом и прекрасно демонстрирующее, как лифтера утомили этим звонком.

Финч бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. На первом этаже он оказался примерно в то же время, как мистер Поуп неторопливо зашел в лифт: закрыв за собой решетку и дверцу, тот крутанул рычаг управления противовесами. Кабинка с лязганьем поползла вверх. В подъезде на первом этаже остались лишь консьержка и ее кошка.

Финч избавился от лифтера не просто так. Его дело требовало осторожного подхода, и лишние свидетели могли ему сейчас только помешать.

Стоило лифту отползти на второй этаж, мальчик выбрался из укрытия и, нацепив на себя невинный вид, подошел к окошку консьержки. Миссис Поуп выстрелила в него хмурым взглядом, после чего вновь вернулась к пилочке, ногтям, самолюбованию и презрению к окружающим.

– Миссис Поуп, я тут принес кое-что для Мо, – начал мальчик.

И консьержка, и кошка одинаково недоверчиво прищурились.

Финчу вдруг показалось, что его затею раскусили. Он уже

был вполоборота от того, чтобы ринуться прочь, как вдруг неожиданно Финчу почему-то представился жулик мистер Кэттли, ободряюще ему подмигивающий.

– Вот. – Мальчик достал из кармана сверток и развернул коричневую бумагу. – Хвостик ушастой рыбы. Мо ведь их так любит. Мо, ты хочешь хвостик ушастой рыбы?

Кошка лениво поглядела на хвостик, вытянула лапу и уставилась выжидающе: мол, клади давай, или я еще должна вставать и тянуться за ним?

Финч послушался и опустил в лапу рыбий хвост. Тот был обнюхан, пристально изучен, после чего отправился в пасть. Раздался звук, напоминающий перезвон шестеренок, – фирменное ленивое мурчание Мо затянуло весь первый этаж.

Собравшись с духом, Финч перевел взгляд на консьержку и спросил:

– Миссис Поуп, а вы, случайно, не видели моего дедушку?

– Я не слежу за чужими дедушками, – последовал мгновенный ответ.

Это была ложь. Консьержка именно что следила – причем не только за дедушками, но и за всеми. Она дотошно вела учет, кто и когда приходит или уходит, заноса каждый шаг жильцов в свою книгу. А еще время от времени напоминала всем (хотя об этом и так никто не забывал), что господин Борган, прежде чем отбыть в путешествие около десяти лет назад, оставил ключи именно ей, Присцилле Поуп, и попросил заботиться о доме не кого-нибудь, а «самую благонадеж-

ную консьержку во всем городе», что фактически сделало ее тут главной...

– Я вернулся из школы, а его нет, – пояснил между тем Финч. – Вот я и хотел...

– И почему все кругом считают, будто я – это какое-то справочное бюро? – пробурчала себе под нос миссис Поуп.

– Вот я и хотел спросить, не выходил ли он куда-то? Вы ведь все видите...

– Мистер Фергин никуда не выходил с утра, – задумчиво проговорила миссис Поуп, и в ней вдруг будто что-то перемкнуло: она едва заметно качнулась вперед и уставилась на Финча во все глаза. – Ты говоришь, что его нет дома? Он куда-то пропал?

Нечто в ее взгляде Финчу очень не понравилось. Не сразу он понял, что это была алчность. Консьержка и ее муж только и ждали, как бы кто-то из жильцов скончался, чтобы потом можно было наложить лапы на опустевшую квартиру и сдать ее кому-то, кто хорошо заплатит. Однажды Финч краем уха услышал обрывок разговора дедушки и мистера Франки. Дедушкин друг жаловался, что «эта лысая дрянь» пыталась его отравить – прислала ему ядовитую рыбу вместо той, что он заказывал в лавке, чтобы, вне всяких сомнений, избавиться от него и поселить в его квартире «каких-то хмырей из Краекк или еще откуда».

Финч так и представил, как эта отвратительная женщина расхаживает по их с дедушкой уютной квартирке, загляды-

вает в каждый угол и измеряет стены и дверные проемы.

– Мистер Фергин куда-то пропал? – повторила консьержка.

– Э-э-э... нет, я не это имел в виду...

– Исчез? – Она почесала кривыми острыми ногтями лысую макушку: «Хр, хр, хр».

– Не совсем, я думаю...

– Мне вызвать мистера Додджа? – спросила консьержка скорее себя, чем мальчика, размышляя вслух и будто бы взвешивая шансы, действительно ли старик с пятого этажа пропал и не отыщутся ли у него вдруг какие-нибудь наследники. Разумеется, Финча в расчет она не брала.

– Нет! – взмолился мальчик. – Не нужно!

Финч уже пожалел, что вообще решил сунуться к этой злобной женщине. Кто мог знать, что она так оживится. Еще и констебля грозит позвать! А хуже мистера Додджа, который просто ненавидит детей, и придумать ничего нельзя.

Но, как оказалось, вполне можно.

– Если твой единственный опекун исчез, – заметила миссис Поуп, – я должна вызвать клерков из приюта «Грауэнс». Такой порядок...

«Только не это! – с ужасом подумал Финч. – Только не приют!»

В горле пересохло, а руки задрожали. Будь здесь мистер Кэттли, он бы осуждающе покачал головой.

– Нет, что вы! – отчаянно заверил Финч. – Он никуда

не исчез!

– Но ты сам сказал... – протянула консьержка.

– Его просто нет в квартире, – поспешно пояснил Финч. – Вот я и подумал, что он выходил, а вы могли его видеть.

– Я не видела. Ты уверен, что не нужно вызвать клерков из приюта?

– Уверен!

– Знаешь, я все-таки сообщу констеблю, а он свяжется с приютом.

– Зачем?! – воскликнул Финч. – Мой дедушка никуда не исчезал!

– Гм.

Финч понял, что, если сейчас скажет что-то не то или как-то не так отреагирует, печальный исход неминуем: его отправят в приют, он не сможет найти дедушку, а мерзкая лысая миссис Поуп завладеет их квартирой. Этого никак нельзя было допустить.

Он заставил себя успокоиться. Спорить с миссис Поуп было бессмысленно, ведь ей никто не указ, она здесь главная и к тому же считает, что дети, эти маленькие вредители и грязнули, – просто досадное недоразумение, которое можно лишь какое-то время терпеть. Ее никто не мог ни в чем переубедить, но другое дело, если она переубедит сама себя.

Стараясь унять дрожь в голосе, Финч рассудительно уточнил:

– Вы же сказали, что мой дедушка никуда сегодня не вы-

ходил с самого утра, правильно, миссис Поуп?

– Разумеется. Я бы заметила, – важно сказала она.

– И через черный ход он тоже выйти не мог? – Мальчик кивнул на дверь в глубине подъезда. – Хотя, возможно, вы могли и не заметить...

– Я бы заметила, – процедила консьержка. – Я все замечаю!

Миссис Поуп уже и сама поняла, к чему клонит Финч. Она действительно не видела, чтобы этот делано вежливый, занудный Фергин сегодня куда-то выходил из дома после того, как вернулся, проводив этого раздражающего мальчишку на трамвай.

– Значит, дедушка все еще где-то здесь, – добавил Финч и нервно хихикнул: – Не выбрался же он через окно... – А затем он сделал вид, словно его осенило: – Ой! И как я сразу не подумал! Наверное, дедушка зашел к мистеру Франки. Точно! Они же часто играют в трольридж.

Консьержка выглядела разочарованной, огорченной и раздраженной. Весьма раздраженной.

– Тогда зачем ты морочишь мне голову? – Она положила пилочку на столик рядом с книгой учета посетителей дома и поднялась на ноги.

– Простите, мэм, – испуганно проговорил Финч. – Я просто не подумал.

– Не подумал он! – Консьержка угрожающе склонилась к окошку и просунула сквозь него голову, будто намереваясь

вцепиться в Финча зубами. Мальчик отшатнулся. — Да знаешь, сколько терпения нужно, чтобы...

Уже почти свершившуюся казнь Финча вдруг прервали. Громыкнула кабинка лифта. Решетка со скрежетом отъехала вбок, дверь открылась, и из-за нее вывалился запыхавшийся мистер Поуп. Финч удивился: это как же возможно в лифте-то запыхаться?

Ответ не заставил себя долго ждать: от страха и нервного возбуждения.

— Цисси! — Мистер Поуп подскочил к окошку. Руки его тряслись. — Я так и знал!

Консьержка недовольно переключила внимание с мальчишки на супруга.

— Что ты знал?

— В нашем доме поселился невидимка! — Лифтер едва ли не подпрыгивал на месте.

— Что?! — Миссис Поуп подняла бровь. — Бартоломью, ты, видимо, просто перебрал сиропа от кашля, вот тебе и мерещится...

— Я говорю тебе, он вызвал лифт! — стоял на своем мистер Поуп. — Это был невидимка!

— Это был никакой не невидимка!

— Это был он!

— Нет, не был!

— Нет, был!

Более удачную возможность для спасения представить

было сложно, и Финч поспешил ею воспользоваться. Он начал осторожно пятиться, а когда до лестницы оставалась всего пара шагов, опрометью бросился наверх.

Последним, что он услышал, было:

– И с чего ты взял, что лифт вызвал невидимка?

– Уж я-то с первого взгляда могу распознать невидимку!

Не сомневайся!..

Вернувшись в квартиру, Финч зажег свет в спальне де-душки и выглянул в окно.

У него оставалась последняя зацепка – странный след в снегу на подоконнике. Вернее, он думал, что оставалась. Конечно, Финч понимал, что тайна отпечатка ноги не раскроется, если просто смотреть на него и пытаться протереть взглядом, но при этом искренне надеялся, что что-то упустил. Вдруг он узнает форму башмака, который его оставил, вдруг на подошве есть необычный узор, по которому он распознает этот башмак среди тысяч других башмаков, заповнивших город.

И вот он смотрит, а следа-то и след простыл! Подоконник полностью заметен снегом. Отпечаток ноги исчез, словно он просто примерещился, как и прочие странные вещи, кото-

рые Финч, как ему казалось, сегодня видел.

«Только болван мог потерять такую важную вещь, как след чьей-то ноги на карнизе пятого этажа! – укорил себя Финч. – И почему я сразу не догадался рассмотреть его во всех подробностях?! Он же был у меня прямо под носом! Как же так?!»

Мальчик стоял у окна и глядел на черноту за ним. На снег, падающий, как рассыпавшиеся в крошево надежды. Он больше не знал, что делать.

Дедушку Финч так и не нашел. Оставалось надеяться, что тот сам появится. Просто придет, укроет его одеялом и присядет на край кровати. А он проснется и увидит дедушку. И очень обрадуется. А тот заговорщически подмигнет ему и прошепчет: «Ты просто не представляешь, Финч, что случилось!» И все ему расскажет. И это будет действительно удивительная история. Захватывающая, с интригами и приключениями, и даже с толикой жути, но он не испугается, ведь все уже позади.

Финч опустил взгляд... ему стало горько и тошно.

«А что, если дедушка никогда не вернется? Может, он, как этот слабый одинокий огонек внизу, забыт где-то, замаскированный снегом, всеми покинутый, никому не нужный и...»

Финч вдруг оборвал свои упаднические мысли. Их место тут же заняла другая: «Огонек в снегу! Внизу... Во дворе...»

В голове мгновенно созрела идея.

Финч побежал на кухню, немного покопался в бронзовом

холодильном шкафу, после чего ринулся в прихожую. Надел башмаки, шапку, шарф и пальто. И был таков.

Лестницу Финч преодолел бегом – он так спешил, что в какой-то момент между третьим и вторым этажами в темноте едва не сломал ногу. Но сейчас ни мнимый, ни подлинный перелом не могли его остановить. И правда – остановило его кое-что другое. Пострашнее перелома.

Стоило Финчу спрыгнуть с последней ступеньки, как тут же прозвучал раздраженный голос консьержки:

– И куда это мы так резво направляемся?!

Финч показал ей бумажный сверток, который держал в руках.

– У нас тут осталось от обеда немного, – сказал он. – Несу мистеру Хэмму.

– Мистер Хэмм, – презрительно скривилась миссис Попп. – Если бы не строгий наказ господина Боргана терпеть этого пьянчугу, я бы давно сдала его в утиль вместе с его развалухой. Мистер Фергин отыскался?

– Да, мэм! – соврал Финч – мистер Кэттли мог бы им гордиться. – Он был у мистера Франки – они играли в трольридж, и дедушка проиграл: он пытался собрать «мотыльков», но ничего не вышло. А еще дедушка показывал мистеру Франки свою новую почтовую марку с дирижаблем. Это просто чудесная марка, мэм! Вы знаете, мой дедушка собирает марки, и он очень ценит...

– Как будто мне есть какое-то дело, – утомленно перебила

консьержка. – Не толпиться! Иди, куда шел!

Уговаривать Финча не пришлось. Скользнув мимо лифта и спящего на стуле, укрывшегося газетой мистера Поупа, мальчик повернул ручку двери черного хода и вышел во двор. Оказавшись под открытым небом, он перевел дыхание.

Сердце немного успокоилось, и Финч направился по узкой дорожке, протоптанной в снегу и ведущей к кованой калитке. Но до нее он не дошел и свернул к огромному сугробу, который занимал всю западную часть двора. Из сугроба торчала оконечность бурой от ржавчины и пылящей дымом трубы. Из круглого окошка тек теплый уютный свет, подкрашивая рыжим падающие снежинки.

Финч поглядел в иллюминатор – за ним что-то двигалось. Что-то, вероятно, готовилось ко сну.

Мальчик постучал.

– Никого нет дома! – раздался глухой голос, в котором проскальзывали испуганные нотки.

– Мистер Хэмм! – Финч встал на носочки и придвинул лицо к окошку, пытаясь разглядеть внутри хозяина. – Это Финч, внук мистера Фергина! Я принес вам кое-что!

К иллюминатору приблизилась здоровенная фигура, и к стеклу опустилось нечто бесформенное с огромными круглыми... глазами?

В следующее мгновение посудина вздрогнула, и овальная дверь, натужно заскрежетава, отворилась. На пороге сто-

ял пухлый старик в бордовом твидовом костюме и в больших летних очках на глазах. У него были широкое морщинистое лицо, мясистый нос и красные с проседью бакенбарды. Несло от старого штурмана традиционно крепкой угольной настоек.

– Добрый вечер, мистер Хэмм! – поздоровался Финч.

– Здравствуй, Финч из двенадцатой квартиры! – обрадованно пророкотал старик. – Заходи, заходи скорее – тепло выходит!

И он отошел в сторону, пропуская мальчика.

Финч забрался в брюхо дирижабля.

Здесь и правда было тепло. А еще темно и невероятно тесно. Вдоль бортов тянулись батареи труб. Узкий проход упирался в рубку управления. Большой обзорный иллюминатор залепил снег, а проклепанный люк в низком потолке весь проржавел; на ведущих к нему скобах, приваренных к борту, висела паутина – по трапу явно никто давно не поднимался. Оболочка сейчас, наверное, пустовала, и в ней обретались лишь крысы или еще какая нечисть.

В дирижабле был дикий беспорядок. Если бы Финч позволил себе такой в комнате, дедушка лишил бы его сладкого на... да на всю жизнь! Повсюду стояли пустые бутылки, в углу выстроилась пирамида ржавых консервных банок. В хвосте дирижабля расположился лежак, крытый не менее чем дюжиной рваных одеял. Рядом с ним стояла печка-толстобрюшка – чугунная заслонка была открыта, и в топке весело

пылал огонь.

Возле печки примостились ящики, заполненные пожелтевшими от времени картами и старыми газетами.

– Можешь там устроиться. – Мистер Хэмм указал Финчу на один из ящиков, на боку которого чернела полустертая трафаретная надпись: *«Военное авровоздушное ведомство»*.

Финч сел на ящик и с любопытством уставился на стоявшую рядом причудливую металлическую штуковину вытянутой формы, с острым носиком и четырьмя похожими на закрылки стабилизаторами, образующими хвост. Дедушка показывал Финчу такие штуковины на старых фотокарточках.

– Она рабочая? – спросил мальчик.

– Конечно, – усмехнулся мистер Хэмм и стукнул по бомбе здоровенным кулаком. – Других не держим!

Глядя на вросшего всем телом в ящик мальчика, старик рассмеялся. Взрыв все не наступал, и Финч отмер: разумеется, бомба была нерабочей, как, впрочем, и все остальное в дирижабле.

– Эта лысая дрянь все еще там? – спросил мистер Хэмм и уселся в обтянутое потрескавшейся кожей штурманское кресло.

– Вы о кошке? – уточнил мальчик. – Или о миссис Поуп?

– Ах да, есть же еще эта кошка, – проворчал старик. – Но я имел в виду склочную тетку.

– Куда ж она денется? – веско заметил Финч.

– Все норовит от меня избавиться. – Мистер Хэмм попытался состроить негодующую мину, но из-за нелепых здоровенных очков гримаса получилась скорее забавной. – И от «Дженни» моей. Эта тетка постоянно исходит пеной, как старый кофейник, стоит ей меня увидеть! Но она ничего не может поделать: мне сам капитан Борган позволил здесь обосноваться. Пусть эта мерзкая Поуп подавится своей злобой.

Мистер Хэмм выглядел потерянным и удрученным, и Финч попытался его утешить:

– Я вам принес кое-что. – Мальчик протянул старику сверток. – Тут немного еловой каши и пара заячьих котлет. Но оно все остыло.

Мистер Хэмм оживился:

– Старый солдат неприхотлив, парень! К тому же у старого солдата есть печка!

Он с трудом вытащился из кресла и, на ходу разворачивая пакет, потопал к печке. Достав из-под кровати металлическую миску на проволоке, старик вывернул в нее содержимое пакета, смешав и кашу, и котлеты.

– Хороший человек твой дед, – сказал мистер Хэмм, повесив миску в печку на крючок. – Передал вот мне ужин. Старые солдаты должны держаться вместе. Я никак в толк не возьму, зачем он якшается с этим Конрадом Франки из шестнадцатой квартиры, ведь тот даже не воевал! Отсидывался, небось, в подвале, когда бомбили город.

– Дедушка говорит, что мистер Франки хороший. Он сказал, что тот... э-э-э... воевал по-другому.

– Ха! – на весь дирижабль гаркнул мистер Хэмм. Кажется, слова Финча задели его за живое. – Скажешь тоже! Воевал по-другому! «По-другому» – это как? Дед тебе не рассказывал, как тогда все было? Конечно, рассказывал! А Франки проворачивал какие-то темные делишки во время войны, вот сейчас и прячется в своей квартирке – носа не кажет: боится, что припомнят ему. От своей же тени дрожит...

Мистер Хэмм помешал кашу ложкой, которая сама напоминала ветерана войны.

– Вот мы воевали взаправду, – продолжил старик, отвернувшись от печки и уставившись в пустоту перед собой. – Не верится, что уже полтора десятка лет прошло. Жуткое было время, нда-а... Но тогда все с ходу понимали, кто чего стоит. Вот дед твой – храбрец! Геройски воевал! И капитан Борган... Лучшие люди. Не чета каким-то Франки и прочим. А эта лысая кошатница Поуп все ищет повод меня выдворить, но у нее ничего не выйдет. Как же ее корежило и корчило, когда капитан велел ей оставить в покое старика Хэмма. Вот что такое черная неблагодарность! Ей невдомек, что двух «серебряных воронов» за просто так не дают! Зато капитан Борган помнит, за что нас с «Дженни» ими наградили.

Финч молча глядел на старика. У того дрожали руки и подергивалась щека – война въелась в его лицо глубокими морщинами и старыми шрамами.

Дедушка редко заговаривал о войне. Для него эта тема была столь же болезненной, как и исчезновение родителей Финча. А мистер Хэмм... Все говорили, что он просто спятивший пьяница, но сейчас перед мальчиком предстал очень одинокий человек, у которого больше ничего не осталось, кроме воспоминаний и старого нелетающего дирижабля. Он выглядел опустошенным и несчастным, многое пережившим и давно разучившимся переживать новое. Время для него словно остановилось.

И это отразилось на его миске. Из нее раздалось шипение, и по дирижаблю пополз мерзкий запах.

– Кажется, каша подгорает, – сказал Финч, и это вырвало старого штурмана из его воспоминаний.

Мистер Хэмм достал миску из печки и принялся за ужин, попутно продолжая бормотать:

– Да, капитан Борган... Лучший из всех людей. Храбрый, честный, умный. Благодаря таким, как он, мы и выиграли войну...

Никто никогда не слушал этого старика. Все просто проходили мимо, старательно делая вид, что ни его дирижабля, ни его самого не существует. Раньше Финч тоже нечасто с ним заговаривал – порой приносил еду, которую передавал дедушка, и сразу же поспешно сбегал, чтобы мистер Хэмм не пристал к нему со скучными рассказами о былых временах. Сейчас ему было стыдно.

Мистер Хэмм подул на кашу в ложке и отправил ее в рот.

Проглотив, продолжил:

– Иногда он ко мне заглядывает. Я всегда рад его видеть. Ну еще бы: столько пережили вместе.

– Простите, – удивился Финч. – Кто к вам заглядывает?

– Так капитан Борган же!

Финч сперва решил, что ослышался, но быстро все понял. Он различил едва заметные искорки сумасшествия в глазах за круглыми стеклами летных очков.

– Но, сэр, он ведь отправился в путешествие! – тем не менее возразил мальчик. – Больше десяти лет назад!

– Ха! Скажешь тоже, путешествие! Нет, он все еще тут. Хранит старика. Ты ведь не знаешь его, да?

– Он уехал, когда я был совсем маленьким.

Мистер Хэмм оставил слова Финча без внимания и, оторвавшись от ужина, принялся копошиться в стоящих у кровати коробках.

– Есть тут у меня кое-что... Где же она?.. А, вот! Нашел!

Достав из коробки старую коричневую фотокарточку, он протянул ее Финчу. На фотокарточке был изображен небольшой изящный дирижабль с размашистой надписью «Дженнигль» и двумя трафаретными головами воронов на борту. Подумать только, этот красивый аэростат и развальяха, засыпанная снегом, внутри которой Финч сейчас сидел, были одним и тем же судном!

Перед дирижаблем стояли двое. Одним из них был сам мистер Хэмм в неизменных летных очках: штурман выгля-

дел моложе, но трезвее упрямо выглядеть не желал. Он обнимал за плечо высокого молодого человека в черном мундире с двумя рядами блестящих пуговиц и в плаще. Внизу стояла подпись: «*Уирджилл Хэмм и капитан Тристан Моротт Борган*».

Финч прежде никогда не видел хозяина дома № 17. Тристан Борган был довольно красив и напоминал книжного героя: узкое белоснежное лицо, орлиный нос, черные глаза, тонкие губы и длинные смоляные волосы, развевающиеся на невидимом ветру.

– Очень печальный... – прошептал Финч, но мистер Хэмм услышал.

– Печальный, да, – угрюмо сказал старый штурман. – Он никогда не смеялся. Как потерял Камиллу, будто потерял и вкус к жизни.

– Камиллу?

– Его жену, – пояснил старик. – Прелестная была женщина. Из таких, которые во снах снятся. Добрая. Веселая. Улыбчивая. С огромными бездонными глазами. Просто чудо, хоть и с одной ручкой всего лишь. Капитан ее так любил... Он был человеком, который не мог принимать удары судьбы и не считал нужным с ними мириться... он был таким... настоящим...

– Сэр, вы плачете?

Мистер Хэмм вздрогнул и, подняв очки на лоб, протер глаза рукавом.

– Не обращай внимания! Это воспоминания лезут наружу. Старому солдату такое простительно. Мы воевали за право плакать когда захочется.

– Вы сказали «был», – напомнил Финч. – Капитан ни в каком не путешествии, да?

– Эй! – неожиданно резко и зло воскликнул мистер Хэмм. – Я просто оговорился, парень! Просто оговорился!

Старый механик так же быстро успокоился и продолжил перебирать ложкой кашу – кажется, он искал в миске закопанный клад. А затем вдруг поднял на мальчика настороженный взгляд и прищурился.

– Так ты просто решил навестить старика или зашел по делу какому? Прежде, помнится, ты сюда не забирался.

Финч закусил губу. Отправляясь к мистеру Хэмму, он придумывал, как расспросить его так, чтобы тот ничего не понял, и вдруг поймал себя на мысли, что нужно просто рассказать старому штурману все как есть. Мистер Хэмм не выдаст его, он не пойдет звать констебля и уж точно не станет сообщать в приют.

– Я пришел узнать у вас кое-что, мистер Хэмм, – осторожно начал мальчик. – Только пообещайте, что никому не скажете!

– Зачем это? – с подозрением покосился на него старик.

– Пообещайте! – потребовал Финч. – Иначе все будет очень плохо! Меня заберут в приют и...

Старик нахмурился.

– В приют? Что стряслось, парень?

– Дедушка куда-то пропал, – сказал Финч.

– Как это пропал?

– Я пришел из школы, а его нет. И в доме его нет. Там было окно открыто, в его комнате. И след на подоконнике, как будто кто-то выбрался из окна. Вот я и пришел спросить, вы не видели дедушку сегодня? Он никуда не выходил? Может, вы видели, как кто-то... вылез из нашего окна? Или подлетал к нему?

– Подлетал?

– На какой-нибудь летающей штуковине. Вроде кнопфа.

– Не было здесь никаких кнопфов. И возле окон я никого не видел.

Финч огорчился. Еще одна зацепка ни к чему не привела. Ему начало казаться, что он ни за что не отыщет дедушку.

«Я точно отсталый! – с горечью подумал Финч. – Совсем отсталый! Правильно все говорят!»

Мистер Хэмм меж тем продолжал:

– И дедушку твоего сегодня я тоже не видел. Нехорошо, что он пропал. Странно это. Он ведь никогда никуда не пропадал раньше. Надежный, как полковые часы. Может, это как-то связано с тем... Черным?

– С кем? – Финч подобрался.

– С Черным, – повторил мистер Хэмм. – Ну, с Человеком в черном.

– Какой еще Человек в черном? – со все возрастающей

тревогой прошептал Финч.

– Пару дней назад сюда приходил мрачный тип в цилиндре и черном пальто с воротником из перьев, как у вороны. У него еще была трость, какие таскают с собой важные господа. Они с твоим дедом вышли из дома во двор, спорили. Человек в черном что-то требовал от мистера Фергина и, как мне показалось, угрожал. Я думал вмешаться, но не успел: высказав все, что думает, чужак поспешно удалился. В переулке за калиткой его ждал экипаж – из этих, пятиколесных, двухэтажный.

– Фроббин, – подсказал Финч.

– Да. Черный фроббин.

– Вы сказали, что Человек в черном угрожал дедушке?
О чем они говорили?

Старик почесал макушку, припоминая.

– Дедушка твой говорил Человеку в черном, чтобы тот убирался прочь, что его ответ тот же и что он уже забыл, как это делается. Как-то так... А Человек в черном все твердил такое слово чудное... как бишь его? – мистер Хэмм задумчиво почесал подбородок. – «Хелленкопф», или «Гелленкопф», или... да, «Гелленкопф». В войну много карт приходилось расшифровывать, и чаще всего они были на вражьем языке. Вот и наловчился запоминать такие, похожие на ругательства и чихание слова.

– И что было потом? – взволнованно проговорил Финч. – Человек в черном сказал, что это такое?

– Нет. Он только твердил, что Гелленкопф не станет ждать. Но мистер Фергин сказал ему, что уже все решил. Чужак ругался, говорил, что еще вернется, а потом прошел по дорожке, вышел из калитки, сел в свой фроббин и укатил. Больше он не появлялся. Неприятный тип. Не из тех, кто просто так, случайно прогуливаясь, может заявиться к тебе на порог. Вот я и подумал сейчас: вдруг это как-то связано с тем, что твой дед пропал.

– А сегодня Человек в черном не приходил?

– Нет. Хотя... кто его знает, я весь день сегодня носа на улицу не высовывал.

– Может, вы помните что-то еще из разговора дедушки с этим чужаком? Хотя что-то?

Старик на миг задумался, а затем покачал головой:

– Нет, прости. Больше ничего не помню.

Финч огорченно покусывал губу: ничего и не подумало проясняться. Наоборот, все только запутывалось. Человек в черном, какой-то Гелленкопф (или это не имя, а название?). Финчу снова вспомнился разговор в трамвае по пути из школы домой.

«У дедушки есть тайны», – угрюмо подумал он. Скорее всего, мистер Хэмм был прав: исчезновение дедушки связано с этим Человеком в черном.

Финч понял, что больше ничего у старого штурмана не узнает, и поднялся на ноги.

– Спасибо, мистер Хэмм. Вы мне очень помогли, – сказал

он. Отчасти это была правда.

– Уже уходишь? – с сожалением спросил старик.

– Да, я должен найти дедушку. Я должен...

«...Спаси его», – додумал мальчик.

Мистер Хэмм поднялся и, подойдя к двери, повернул запорный вентиль.

– Надеюсь, все обойдется, и ты найдешь деда.

Он открыл дверь, и Финч, кивнув ему, выбрался под снег.

Поежившись от холода, мальчик побрел по дорожке к дому. Мысли, чувства, эмоции, подозрения – все это перемешалось в его голове и напоминало кашу в миске старого штурмана.

Когда он уже положил руку на витую ручку двери черного хода, мистер Хэмм окликнул его:

– Эй, Финч! Я вспомнил еще кое-что...

Финч взволнованно обернулся.

– Что, мистер Хэмм?

Старик, замерший на фоне овального дверного проема, из которого во двор тек рыжий свет печки, выглядел злое-ще.

– Твой дед и Человек в черном что-то говорили о следующей снежной буре.

Финч сушил ноги на теплорешетке уже почти десять минут.

Первые три минуты вызывали у миссис Поуп удивленное одобрение, в течение следующих трех в ней поселилось сомнение. А последние четыре она уже откровенно злилась. Мальчишка что-то задумал. Или просто решил над ней поиздеваться.

– Что ты задумал? – раздраженно спросила консьержка. – Какую-то шалость? Что ты там топчешься?

– Ничего, мэм!

На самом деле Финч не стал вдруг чистюлей и приверженцем соблюдения порядка. Конечно же, он замышлял шалость. Или, вернее, кое-что похуже. Ему срочно требовалось заглянуть в книгу учета посетителей дома, которую вела консьержка. Толстая тетрадь в зеленой кожаной обложке с тиснением «Дом № 17» всегда лежала на стойке у полукруглого окошка, под брюхом у костлявой Мо.

Финчу нужно было узнать, что это за Человек в черном, который приходил к дедушке. Вот он и топтался у входа, пытаясь придумать, как проскользнуть незамеченным мимо недремлющего ока миссис Поуп и хотя бы на минутку завла-

деть тетрадь.

Финч понимал, что счастливого стечения обстоятельств, при котором ему позволили бы заглянуть в список посетителей, ждать бессмысленно. А о том, чтобы самому открыть книгу в присутствии консьержки, не могло быть и речи. Единственное, что оставалось, — дожидаться, пока книга окажется без присмотра, но с этим были трудности: миссис Поуп почти никогда никуда не уходила. Да и если она вдруг собралась бы прогуляться, что делать с Мо и мистером Поупом? Само собой, требовалось отвлечь и их тоже...

Эта мысль как раз обустроивалась в голове Финча, когда терпение миссис Поуп наконец лопнуло.

— Раз ничего не задумал, то пошел вон! — взвизгнула консьержка и ткнула когтистым пальцем в сторону лестницы.

Финч угрюмо потопал в указанном направлении. У самой лестницы он обернулся и, поцарапавшись о колючий взгляд консьержки, шагнул на первую ступеньку. Замер. Снова обернулся. Уперся, как в стену, во все тот же взгляд, после чего решил больше не испытывать судьбу и в самом деле направился к себе на пятый этаж.

«Да, так просто книгу не заполучить, — думал он на ходу, подчас выныривая из темноты пролетов в одинокие лужицы света на этажах. — Нужно придумать план. Как же их отвлечь?... Это должно быть что-то неожиданное, что-то... громкое. Чтобы они все подскочили! И понеслись проверять, что же это там такое, оставили книгу без внимания и... По-

стойте-ка, а это что там такое?»

Последнее уже относилось к странным звукам, которые раздавались со следующего лестничного пролета. «Странными звуками» были подвывания на одной ноте и трагические всхлипы. Кто-то плакал.

Финч на цыпочках поднялся и украдкой выглянул из-за угла.

На ступеньках сидела девочка. Длинная корчащаяся тень выползала из-под нее и вращалась во тьму лестницы, как щупальце. Плечи девочки сотрясались. Два рыжих хвостика топорщились и напоминали трубы, из которых вот-вот повалит дым.

– Арабелла? – позвал Финч.

Девочка подняла заплаканные глаза. Знакомое острое личико было умыто мрачной тенью. Стоило Арабелле увидеть Финча, ее лицо исказилось, но уже от гнева.

– Что тебе нужно?! – воскликнула она. – Убирайся!

Арабелла снова уткнулась лицом в коленки.

«Неужели это все из-за снежка? – подумал Финч. – Мать отругала ее за высыпавшуюся из пакета рыбу?»

Ему стало стыдно. А еще очень неловко.

Арабелла его совсем не стеснялась – и продолжала плакать. Ее тонкие плечи дрожали, а рыжая голова тряслась и напоминала огонек свечи на сквозняке.

«Нужно что-то сделать, – подумал Финч. – Но что? Подойди к ней, не трусь! Что? Если такой храбрый, сам и под-

ходи!»

Финч поймал себя на том, что спорит сам с собой, и решил, что его заразил сумасшествием мистер Хэмм. Дедушка говорил, что некоторые виды безумия передаются по воздуху. Но тем не менее просто стоять и смотреть, как Арабелла плачет, было нельзя – с каждой новой секундой бездействия Финч чувствовал себя все хуже. Он будто подглядывал в замочную скважину в двери, за которой происходило что-то гадкое и неправильное.

И хоть Финч знал, что приближаться к плачущим девочкам опасно, он подошел.

– Прости за тот снежок... – промямлил он, краснея. – Глупо вышло. Это была просто шутка.

Она никак не отреагировала, будто его и вовсе не было рядом. Снова это ее коронное высокомерие, не иначе!

Финч разозлился: «Вот глупая девчонка! И чего она так разревелась?!»

Глядя на Арабеллу, он понимал, что злится вовсе не на нее, а на себя – на свою беспомощность.

«Что бы сделал дедушка? – спросил себя Финч. – Дал бы ей платок? Но у меня нет платка! Что еще? Напоил бы ее горячим желудевым чаем? Но пока заварится чай, пройдет целая вечность! Еще что-то? Наверное, он сказал бы ей, что плачут только глупые плаксы? Нет, он бы так не сказал, да к тому же тогда буря сразу усилится!»

За неимением лучшего варианта Финч озвучил то, что

вертелось у него на языке:

– Я не думал, что ты так разревешься из-за простого снежка...

– Отстань от меня! – взвизгнула Арабелла, не поднимая головы. – Убирайся! Ненавижу тебя!

Да уж... Вышло не очень. В утешении плачущих девочек Финч был не силен.

Казалось, ни один из великих ученых просто еще не изобрел правильных слов или поступков, чтобы это рыжее существо перестало плакать. А хотя если подумать, то почему он в принципе должен ее утешать?! И вообще, ему стоит сейчас торжествовать! Нужно рассмеяться и пройти мимо! И сказать: «Так тебе и надо!» А что, она заслужила. Она же его злейший враг! Наглый, высокомерный, дрожащий и такой несчастный... злейший враг...

Финч изо всех сил сопротивлялся мысли, что вовсе не ненавидит Арабеллу Джей, а наоборот. Именно поэтому он всегда при случае поддевает ее, именно поэтому он бросил в нее снежок.

«Что бы я сделал, не будь я мной?..»

Финч подошел к ней, протянул руку и осторожно коснулся ее плеча.

– Я больше не буду, – сказал он. – Не плачь...

Арабелла вскочила на ноги. Ее лицо багровело, как раскаленная печка. Взгляд пылал, слезы блестели на щеках, а курносый нос, казалось, был вздернут еще сильнее, чем обычно.

Финч отшатнулся, но она не стала кричать или бить его.

Арабелла сделала кое-что непредсказуемое – она просто плюнула в него. После чего показала язык, развернулась и убежала.

Хлопнула дверь ее квартиры.

Финч был потрясен. Еще бы! Чтобы этот энциклопедический образец понятия «примерный ребенок» сделал что-то из того, что взрослые называют «неприличным» и «грубым»?! Он ни за что бы не поверил, если бы сам не стал жертвой ее нападения.

Финч стоял и глядел ей вслед, не в силах пошевелиться. Будучи мальчишкой, он смог по достоинству оценить поступок этой паиньки. Бывшей паиньки! В том-то и дело, что она вдруг повела себя как нормальный в его понимании человек, а не как веснушчатый автоматон, тонко настроенный лишь на обучение, соблюдение правил, получение хороших отметок и на то, чтобы быть послушным.

«Если бы она не была такой злоюкой, – подумал он, – мы могли бы подружиться».

И тут Финч будто очнулся от сна. Ему вспомнились слова мистера Си из семнадцатой квартиры: «Женщинам не нужна дружба, Финч, запомни это. Им подавай только счет! Иначе почему, стоит тебе что-то сказать, они тут же принимаются вопить в кофейне: “Счет, пожалуйста!”»

Финч не совсем понимал, что именно имел в виду мистер Си, или, как называл его дедушка, Мистер Вечно Разбитое

Сердце, но общую суть он уловил. Дружбы со злоюкой Арабеллой Джей из девятой квартиры не выйдет.

– Но почему она все-таки плакала? – прошептал он.

Финч вдруг подумал, что дело здесь отнюдь не в том дурацком снежке.

Финч лежал в своей кровати и глядел в окно на идущий снег.

Часы на письменном столе показывали десять часов и три минуты вечера. В это время Финч всегда переодевался в пижаму, забирался в постель и читал книжку, но сейчас ни о какой книжке, понятное дело, речи идти не могло.

Финч уже не просто переживал за дедушку, а по-настоящему боялся.

Человек в черном, о котором рассказал мистер Хэмм, представал в его воображении мрачным размытым пятном. Этот тип приходил, чтобы заставить дедушку что-то сделать. Но дедушка отказывался, и он... он забрал его, похитил!

Финч отчетливо представил, как Человек в черном бьет дедушку по голове тростью и тот падает без сознания. Тогда Человек в черном связывает дедушку, засовывает его в мешок, после чего заталкивает в багажный кофр черного фроб-

бина и увозит, увозит все дальше от дома...

В груди у Финча закололо, на глаза навернулись слезы.

«Может, все-таки сообщить констеблю? Может, он найдет дедушку?»

Финч тут же одернул себя. Никто из знавших мистера Додджа ни за что не доверил бы ему ни свою, ни чужую – вообще ничью жизнь. Жизнь...

«А может, Человек в черном дедушку уже...» – пришла в голову мальчику ужасная мысль, но тут неожиданно появилась другая – довольно разумная: «Если Человеку в черном что-то нужно от дедушки, значит, дедушка должен быть жив. Мертвецы не выполняют никаких заданий...»

Финч не понимал, что Человеку в черном от дедушки могло понадобиться. Корнелиус Фергин ведь был простым портным, шил штаны и жилетки, пришивал пуговицы. Ему что, новый костюм понадобился?

А может быть, все не так просто и...

«И дедушка твой – врун... – Финчу вспомнились слова мистера Кэттли. – Все ото всех что-то скрывают...»

– Нет! – воскликнул Финч. – Я найду дедушку и докажу, что он мне не врал...

Конечно, в нем говорил дух противоречия. Он и сам понимал, что дедушка что-то скрывал. Скрывал что-то важное – то, что, вероятно, и стало причиной его исчезновения. И все же смириться с этой мыслью Финч не хотел.

Следующим шагом в его поисках было добыть книгу учета

посетителей дома. Оставалось придумать надежный способ, как отвлечь консьержку.

– Что бы сделал мистер Кэттли? – спросил себя Финч.

Вот уж жулик из трамвая, будь он на месте Финча, уже давно заполучил бы книгу. Так что бы он сделал? Конечно же, солгал бы. Он придумал бы какой-нибудь омерзительный, гадкий обман, который заставил бы миссис Поуп подскочить на стуле так, словно тот под ней вдруг загорелся. Мистер Кэттли сыграл бы на ее страхах. А чего миссис Поуп боится на самом деле?

В памяти Финча внезапно всплыла старая фотокарточка, которую показал ему мистер Хэмм. И обман неожиданно выстроился в его воображении за одно мгновение. О, это была действительно гадкая ложь – мистер Кэттли смог бы оценить ее по достоинству.

«Я скажу ей, что увидел через окно, как к дому подъехал трофф и из него вышел высокий черноволосый человек в мундире и плаще. Скажу, что, кажется, это капитан Борган! Что он вернулся!»

Подобное известие уж точно заставит миссис Поуп выскочить на улицу. Перепуганная до смерти – а ей есть чего бояться, – она побежит встречать капитана, оставив книгу без присмотра. Ну а от мистера Поупа избавиться можно уже проверенным способом.

Конечно, план сплошь зиял дырами. Мог подняться шум, кто-то мог не вовремя спуститься на первый этаж или по-

явиться с улицы... К тому же у стойки все еще оставалась бы Мо. Но кошки – вот удача! – не умеют разговаривать и докладывать своим хозяйкам о различных маленьких пронырах. Максимум, на что Мо способна, – это зашипеть и попытаться его поцарапать или укусить. Но уж с кошкой он точно справится...

Это был неидеальный план... Да что там! На самом деле это был просто ужасный план. Страшно подумать, как ему влетит, когда выяснится, что никакой капитан Борган и не думал возвращаться, – подобного потрясения и издевательства над своими нервами миссис Поуп ему ни за что не простит. Финч это понимал, но ждать больше не мог.

Дедушке точно не понравилось бы то, что он задумал. Как и все взрослые, он считал, что в десять часов вечера дети должны отправляться спать, а не заниматься различными рискованными и сомнительными делами. И уж точно они не должны врать, но...

– Но дедушки здесь нет, – напомнил себе Финч. – В tomto и дело.

Он выбрался из кровати и побежал в прихожую. Прямо поверх пижамы натянул пальто. Всунав ноги в башмаки, Финч выскользнул из квартиры и бросился по лестнице вверх, и теперь путь его лежал не куда-нибудь, а прямо на седьмой этаж. Он затеял очень опасную игру, и запрет туда подниматься его сейчас не особо волновал. А польза между тем была очевидной – он мог выиграть время в целый этаж.

Оказавшись на месте, Финч не раздумывая подбежал к лифту. Он уже схватился за рычажок вызова лифтера, приготовился...

– Я надеюсь, ты все продумал, – раздался холодный голос за спиной.

Мальчик вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояла Она. Обитательница квартиры № 21. Длинное узкое пальто, из-под которого проглядывали подол платья и туфельки на каблуке, бархатные перчатки и шляпка с широкими полями и вуалью. Вуаль не могла скрыть точечное лицо, выделяющиеся, словно кровь на снегу, алые губы и большие черные глаза.

Эта женщина была будто иностранкой. Или вообще не человеком. Она носила сложную, непроизносимую фамилию, поэтому все называли ее просто мадам Клара.

Мадам Клара опиралась на ручку своей неизменной спутницы – детской коляски. У этой черной как смоль коляски было три колеса: два больших по бокам и одно поменьше сзади. Складной гармошечный капор походил на обглоданный чьими-то зубами зонт. Из-под него не раздавалось ни звука.

Младенцы мадам Клары никогда не кричали и не плакали. И только по едва различимой порой из клубка пеленок в глубине коляски возне можно было понять, что там вообще кто-то есть.

«Мои младенцы прекрасно воспитаны – они не вопят, мешая окружающим», – как-то сказала мадам Клара. Финч по-

дозревал, что ее младенцы воспитаны намного лучше, чем он сам. Как минимум у них нет привычки стоять с разинутым ртом и выпученными глазами, как заклинивший автомат.

Мадам Клара решила прервать затянувшееся молчание.

– Слова, – сказала она. – Это то, благодаря чему ты сейчас можешь попытаться выкрутиться.

Финч, красный с головы до ног, хотел ответить что-то умное и хоть чуточку вразумительное, но смог выжать из себя только:

– Мадам?

– Неплохое начало, – с иронией одобрила мадам. – Итак. Я надеюсь, ты все продумал.

– Не все, – зачем-то признался Финч. Он не понимал, как можно врать этой женщине.

– То есть ты не можешь объяснить, что делаешь на седьмом этаже, – подытожила мадам Клара. – Ты ведь не живешь здесь, верно? – Она задумчиво поглядела на двери соседних квартир. – Я раньше не замечала, чтобы у мистера Драммина или у мадам Флёрхаунд были дети. Тебя завели недавно?

– Мне почти двенадцать лет!

– «Почти» не является «уже»... – сказала она. – Когда-нибудь ты поймешь всю важность этой разницы.

Финч не ответил, продолжая смотреть на нее во все глаза и испытывая при этом одновременно недюжинный страх и ни с чем не сравнимое восхищение. Он понимал, что его

ждет наказание за то, что ошивался на запретном этаже, но был согласен понести его. Даже если она решит убить его, то пусть! Ей можно.

– Ты так и будешь меня рассматривать? – спросила мадам Клара, отчего Финч покраснел еще сильнее и опустил взгляд. – Предлагаю тебе наконец уже сделать то, что ты собирался.

Финч удивился. Он поглядел на свою руку, все еще сжимающую рычажок вызова лифтера.

– Мне потянуть? – не веря, спросил он.

Мадам Клара не ответила – на ее губах появилась едва заметная улыбка.

Финч неуверенно потянул рычажок и бросил тревожный взгляд на лестницу. Внизу, вероятно, мистер Поуп проснулся и начал кряхтеть. А это значит, что скоро он заберется в лифт и прибудет сюда.

– Ты собрался куда-то зачем-то бежать? – спросила мадам Клара, пристально глядя на Финча. – Не стоит. Жди, пока мистер Поуп не приведет лифт.

– Ждать, мадам?

– Ты пойдешь со мной, – просто сказала она.

– Хорошо, мадам, – ответил Финч.

Почему-то у него в голове даже не возникло мыслей вроде «зачем?» и «куда?».

Они молчали, мадам все глядела на Финча, Финч же шаривал башмаком несуществующий люк под ногами, куда

можно было бы провалиться от невероятного смущения.

Вскоре снизу раздался нарастающий гул. Приближался лифт.

Финч отошел, уступая мадам место. Та подкатила коляску и, отметив его поступок, одобрительно кивнула.

Кабинка скрежетнула, останавливаясь. В окошке дверцы показалось взмокшее лицо лифтера. Увидев мадам Клару, он мгновенно встрепенулся, подтянулся в попытке куда-то деть свой расплывшийся над штанами живот и зарделся еще пуще Финча.

– Мое почтение, мадам. – Мистер Поуп сложил створки дверцы, отодвинул решетку и пропустил мадам Клару.

Финч нерешительно двинулся следом, но лифтер преградил ему путь.

– Дети ходят пешком! – гаркнул он и ткнул толстым коротким пальцем в сторону лестницы.

– Этот юный мистер меня сопровождает, мистер Поуп, – сказала мадам Клара.

Мистер Поуп поморщился, но спорить не посмел.

– Как скажете, мадам, – промямлил он с таким видом, будто Финч ему не просто испортил замечательное путешествие в компании мадам Клары длиной в семь этажей, а испоганил всю жизнь.

Дождавшись, когда Финч зайдет в кабинку, мистер Поуп закрыл дверцу и задвинул решетку. После чего повернулся к стенке, на которой была установлена бронзовая панель

с отметками этажей, и перевел рычажок в ее центре на отметку *I*.

В тот же миг где-то внизу, в подвале, заработала паровая машина, тросы стали наматываться на барабаны, и кабинка, легонько качнувшись, тронулась с места.

Финч ехал в лифте дома № 17 впервые. Он часто представлял, как разъезжает на нем туда-сюда по этажам, и в его воображении это было настоящим приключением. На деле же все оказалось куда менее захватывающим.

Кабинка была очень старой: лак на деревянных панелях облупился, на обитых зеленой тканью стенках темнели уродливые пятна. Даже казавшиеся снаружи красивыми и яркими бронзовые элементы отделки в действительности были тусклыми и затертыми. Над головой чадила лампа, и, помимо прочего, за спиной стоял мистер Поуп, от которого разило немытостью, табаком и сиропом от кашля.

– Первый этаж, – уныло сообщил мистер Поуп, когда кабинка замедлила ход, дрогнула и остановилась.

Лифтер открыл дверцу и решетку, и мадам Клара выкатила коляску. Финч вышел следом.

Их встретила суеятаяся и едва ли не подпрыгивающая на месте консьержка, – миссис Поуп, надеясь на чаевые, часто выбиралась из своей комнатухи, когда лифт вызывали на седьмой этаж.

– О, мадам Клара! Какая приятная неожиданность! Собираетесь на прогулку? Как это мило! И...

И тут ее взгляд наткнулся на Финча. Улыбка мгновенно сползла с фиолетовых губ миссис Поуп.

— Он сопровождает мадам, — уныло пожаловался супруге мистер Поуп. — Мадам позволила ему ехать в лифте.

— Ко... конечно! — Консьержка проглотила застрявший в горле ком размером с дом № 17. — Мадам состоит в родстве с самым господином Борганом и вольна выбирать любых сопровождающих. Даже... даже детей.

Мадам Клара, не обращая внимания на показное лизоблюдство и скрытый страх миссис Поуп, покатила коляску к выходу. Финч поплелся за ней.

Консьержка не отставала, прыгая вокруг, как блоха.

— Мадам Клара! — щебетала она. — Мадам Клара! Я хотела узнать, были ли какие-то вести, может быть, письма? Ну, я имею в виду, от господина Боргана?

— Никаких писем, миссис Поуп, — не поворачивая головы, ответила мадам Клара.

— Какая жалость! — наигранно воскликнула консьержка.

Конечно же, это была откровенная ложь. Для нее отсутствие вестей от хозяина дома означало лишь отсутствие инструкций, требований или каких-либо *пожеланий* касательно ее обязанностей. Она очень боялась, что кто-то из неблагодарных жильцов накропал господину Боргану пару-тройку жалоб на нее, а еще она втайне надеялась, что он никогда не вернется из своего путешествия.

— Хорошей вам прогулки, мадам! — воскликнула миссис

Поуп вслед мадам Кларе.

Когда входная дверь закрылась за обитательницей двадцать первой квартиры и сопровождавшим ее мальчишкой, консьержка успокоилась и танцующей походкой направилась в свою комнатку с полукруглым окошком.

Мадам Клара и Финч тем временем прошли по дорожке и свернули налево, направляясь вглубь Горри.

Большинство стоявших вдоль улицы фонарей на столбах не горели. Снег к ночи усилился.

Финч вдруг подумал, что ему сейчас должно быть холодно, но он почему-то не ощущал знакомых признаков замерзания. Дедушка говорил, что такое бывает, когда лихорадит: либо тебе холодно, когда совсем не холодно, либо жарко в то время, как все кутаются в шарфы и дуют на озябшие руки. Он потрогал лоб – ну конечно! У него был жар. Может быть, из-за пережитых за день волнений, может, он все-таки заболел, а может, из-за идущей рядом великолепной и в то же время жуткой мадам Клары.

– Куда мы идем? – спросил Финч. Голос его дрогнул.

– Увидишь, – ответила мадам Клара. – И да будет тебе известно, воспитанные дети не спрашивают «куда?», они просто следуют за взрослыми.

– А почему вы взяли меня с собой?

Она повернула к нему голову:

– Мне показалось, что ты готов совершить какую-то глупость и нужно помешать тебе ее совершить. К тому же мне

пригодится твоя помощь.

– Помощь? – поразился мальчик. – Моя?

Она кивнула.

– Но в чем? – спросил Финч.

Мадам Клара покачала головой, и он понял, что это тоже относится к ее «увидишь».

Мог ли в тот момент Финч знать, что впереди его ждет самая необычная и невероятная ночь в его жизни?

Глава 3. Бульвар Разбитое Сердце

Снег хрустел под ногами и колесами коляски. Снежинки оседали на взлохмаченных синих волосах и садились на нос, отчего постоянно приходилось их стряхивать.

Финч, в пальто поверх пижамы и в башмаках на босу ногу, и мадам Клара, в пальто и шляпке с вуалью, благодаря которым она напоминала ожившую тень, шли по ночному Горри.

Для мадам в этом не было ничего необычного – она всегда выходила на прогулку с младенцем незадолго до полуночи. Что же касается мальчика, то буквально все, что сейчас происходило, казалось ему совершенно странным и исключительно невероятным. Причем настолько, что напоминало сон.

В какой-то момент Финч всерьез задумался: «Может, на самом деле я сейчас сплю в своей кровати?»

Он до сих пор не верил, что мадам Клара, с которой он до этого не перебросился и парой слов, не просто заговорила с ним, а взяла с собой на прогулку. Не стоило забывать и об остальном...

Почему эта женщина не потребовала наказать его за проникновение на седьмой этаж? Почему не пожаловалась консьержке? Она говорила, что ей пригодится его помощь, но в чем он мог ей помочь? Это все было очень подозрительно, ведь она явно даже не знала, как его зовут!

Финч решил это исправить.

– Меня зовут Финч, – сказал он. – Я из двенадцатой квартиры.

– Мое имя Клара Шпигельрабераух, – ответила мадам Клара. – Я – из двадцать первой.

– Очень рад знакомству, мадам Шпи... Шпиги... мадам Клара.

– Я также рада знакомству, – ответила спутница.

Дойдя до конца улицы Трум, они вошли в улицу-трубу, проложенную внутри дома. Шаги и скрип коляски расходились по ней гулом. Одинокий фонарь, висящий под сводами, освещал покатые кирпичные стены, закрытые на ночь двери и ставни лавок и проложенные над мостовой трубы. Впереди виднелся проем – за ним сплошным занавесом шел снег.

Финч поежился: там располагалось то, что дедушка называл «старым недобрым Горри». Мальчику запрещалось туда ходить: старый недобрый Горри был битком набит мрачными личностями с дурными намерениями, которые, стоит только зазеваться, поймают тебя в свои сети – и поминай как звали. Отчего-то Финч представлял, что все тамошние типы ходят повсюду с сачками, которыми ловят зевающих детей. Вряд ли так было на самом деле, но все же от одной мысли, что они сейчас туда направляются, Финча пробрало. И это не укрылось от его спутницы.

– Со мной тебе нечего бояться, Финч из двенадцатой квартиры, – сказала мадам Клара.

– Я не боюсь, – ответил мальчик и смущенно добавил: – Может, у вас есть ножницы?

– Что? Ножницы?

– Чтобы разрезать сачок, если меня кто-то поймает.

Мадам Клара фыркнула.

– В моем присутствии никто никого не ловит сачками, потому что это – проявление дурного тона и плохих манер.

Финч с облегчением вздохнул. Он понял, что мадам Клара пошутила, и все же страх и правда ушел.

– Дедушка говорит, что этому городу не хватает манер.

– Он прав.

– Дедушка вас очень уважает.

– Это взаимно. Мистер Фергин – настоящий джентльмен.

Всегда снимает шляпу в моем присутствии и придерживает дверь. Но самое главное – он никогда не вторгается в мою приватность и не льстит в надежде, что я похвалю его перед господином Борганом, в отличие от... прочих.

Финч понял, кого именно имела в виду мадам Клара.

– Дедушка говорил, что вы дальняя родственница капитана Боргана.

Мадам Клара помедлила с ответом, словно раздумывая, стоит ли делиться подобным с мальчишкой.

– Это не так, – наконец сказала она. – Но мы с ним знакомы еще с тех пор, как он был ребенком и жил далеко отсюда.

– А где? – полюбопытствовал Финч.

– В таком месте, куда лучше не попадать.

Было нечто очень зловещее в том, как она это сказала. Будто взяла нож и отрезала фразу, чтобы поскорее забыть о ней.

– А вы знаете, где он сейчас? – спросил Финч. – Я про его путешествие...

Она чуть заметно дернула головой, и мальчик понял, что дальше допытываться не стоит.

На самом деле Финч хотел спросить у мадам Клары кое-что другое – вовсе не о капитане Боргане, – но все никак не мог решиться. Помимо того что он просто не знал, как к этому подвести, он боялся того, как она воспримет его вопрос. Взрослым Финч не доверял – порой они вели себя хуже детей, и от них можно было ожидать чего угодно. И все же эта женщина была не просто каким-то взрослым – она была мадам Кларой и вела себя совершенно не по-детски, а скорее как королева, которой принадлежит весь мир, и никто, к слову, совершенно не против.

«Ну давай же! – подбадривал себя Финч. – Она не разозлится... наверное».

Несмотря на все свои сомнения, он хотел верить, что, раз эта женщина его не наказала и не выдала, хотя, вероятно, догадывалась, что он задумал, он может с ней поделиться. Конечно, не всем, а в общих чертах. Вдруг она чем-то поможет. Или хотя бы что-то посоветует.

– Можно задать вопрос, мадам? – неуверенно начал Финч.

– Можно, – позволила спутница.

Они вышли из улицы-трубы и оказались на Грейсберри, главной улице Горри. Несмотря на позднее время, здесь было довольнолюдно и шумно. Вдоль тесно стоящих домов горели фонари, лениво помигивали семафоры на горбатых столбах. Светящиеся окна напоминали Финчу почтовые марки, аккуратненько разложенные в дедушкином кляссере.

Возле красной двери паба под вывеской «*Бардакк*» дебоширила пьяная компания недружелюбных с виду мужчин, но, как только коляска мадам Клары с ними поравнялась, они все как один замерли, кто-то даже вытащил свой кулак из зубов товарища, а шляпы-котелки тут же покинули головы, приподнятые в почтительном приветствии.

Но стоило няне с коляской и мальчишке пройти, как все вернулось на круги своя – только еще более шумно, зло и ожесточенно. Кажется, в драке принимал участие даже пабный автоматон, в чьи обязанности входило открывать и закрывать двери для посетителей. Выглядел механический человек таким же пьяным, как и завсегдатаи, – видимо, он перебрал машинного масла.

До дебоширов никому не было дела, а в «Фонаре констебля», темно-синей будке полицейского поста на перекрестке, даже свет не горел. Зато из него раздавался оглушительный храп в три глотки.

– Слишком затянувшееся молчание, – сказала мадам Клара. – Вероятно, это значит, что ты хочешь поделиться каким-то секретом и боишься, что я восприму твою тайну

неверно. Не бойся: я всегда воспринимаю чужие тайны верно. Как, впрочем, и все остальное.

– Это не совсем тайна, – признался Финч. – Мне нужен совет...

Она кивнула, и Финч решился.

– Что бы вы сделали, если бы кто-то из ваших близких пропал, а взрослым... в смысле другим людям нельзя было бы об этом рассказать? – протараторил он на одном дыхании. – Особенно полицейским и...

– Что? – Мадам Клара вдруг остановилась и пронзила его взглядом из-под вуали. – Еще кто-то пропал? Кто?

– Как это «еще кто-то»? – поразился Финч.

Мадам Клара выглядела взволнованной. Казалось, даже несколько испуганной.

– Невежливо отвечать вопросом на вопрос, Финч из двенадцатой квартиры, – строго сказала она. – Кто пропал?

Финч понял, что не может не ответить. Что-то внутри вдруг просто захотело взять и предать его – выложить все как есть. Ему стало любопытно, существует ли в этом мире хоть кто-то, на кого не действует пронзительный взгляд мадам Клары.

– Мой дедушка, – выдавил он, ожидая бури.

Что ж, если у бури было мертвенное выражение лица, лишенное даже тени эмоций, то это была именно она. Вуаль подрагивала на ветру. Из-под нее на Финча будто глядела статуя – холодное каменное изваяние, которое кто-то зачем-то

обрядил в черное.

— Когда? — спросила мадам Клара, и Финч готов был поклясться, что губы ее не шевельнулись, а с ним говорил сам ветер.

— Сегодня, — ответил мальчик. — Я пришел из школы, а его нет. И он до сих пор не вернулся.

— Ты уверен, что он просто не ушел куда-то?

— Я уверен... мне кажется... он точно пропал. Я боюсь, что случилось что-то плохое, и никому не могу рассказать.

— Поэтому ты решил найти его сам, я правильно понимаю?

Финч кивнул, ожидая, что мадам Клара сейчас скажет, чтобы он не дурил и предоставил взрослым найти дедушку. Но вместо этого она отвернулась и снова покатила коляску по улице. Мальчик поспешил за ней.

— Люди пропадают время от времени, — сказала она. — Чаще всего они рано или поздно отыскиваются. Ты спросил, как бы я поступила, если бы пропал кто-то из моих близких? Это же очевидно. Я бы сделала то же, что, вероятно, делал ты, когда я поймала тебя у лифта. Искала бы. Но ты прав: нашему констеблю мистеру Додджу нет смысла сообщать об исчезновении. А его помощник, младший констебль Перкинс, боится своего старшего коллегу, и он ничего не сделает у того за спиной. Ну а что касается остальных... гм... взрослых, то единственное, на что они способны, — это создавать суету и шум; они не помогут. Ты предоставлен самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.